

100

ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ МИРА

100 великих (Вече)

100 великих городов мира

«ВЕЧЕ»

2006

100 великих городов мира / «ВЕЧЕ», 2006 — (100 великих (Вече))

ISBN 5-9533-1445-0

Города начинались по-разному. Одни вставали на перекрестках караванных путей, другие поднимались в безлюдных пустынях. Есть города-крепости, города-казармы, города, выросшие вокруг речных пристаней или морских портов, монастырей, фабрик или рынков. Грешный Вавилон и святой Иерусалим, вечный Рим и запретная Лхаса, деловая Женева и карнавальный Рио, таинственная Чичен-Ица и гостеприимный Париж, высокогорный Ла-Пас и отвоєванный у моря Амстердам... Новая книга из серии «100 великих» расскажет об истории и судьбе как исчезнувших городов древности, так и о тех, которые пронесли через века свой неповторимый облик.

ISBN 5-9533-1445-0

, 2006

© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Вступление	5
Ниневия – древняя столица Ассирии	7
Грешный и великий Вавилон	10
Иерихон – город пальм	14
Воинственная Спарта	17
Ур Халдейский	22
Старейшина столиц Дамаск	26
Легенды и быль Мерва	30
Мемфис	34
Анурадхапура – древняя столица Цейлона	37
Мохенджо-Даро	40
Ахетатон – город фараона-еретика Эхнатона	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Надежда Ионина

100 великих городов мира

Вступление

В каждом из нас живет путешественник-первооткрыватель: сидит и ждет своего часа, ибо неистребимо желание человека узнать о неизвестных землях, странах и городах. В наших представлениях, причудливо сплетаясь, встают видения чужих и незнакомых стран, встречи с которыми мы ждем с трепетным чувством.

Прошлое скрыто от нас толщей ушедших лет – столетий и тысячелетий, но по материалам археологических раскопок или письменных источников ученые узнают о событиях, происходивших в весьма отдаленное время. Оказавшись в незнакомом городе, человек поначалу невольно теряется, даже самые заядлые путешественники на несколько мгновений чувствуют это. На человека накатывает такая масса новых впечатлений, что ему трудно даже решить, с чего же в первую очередь начать знакомство с городом.

Города начинались по-разному. Одни вставали на перекрестке караванных путей, и вскоре на их базарах и торговых площадях начинала звучать разноязыкая речь. В городских лавках и магазинах можно было видеть северные меха и индийские алмазы, шелковые ткани Востока и узкогорлые сосуды с прохладным вином Средиземноморья.

Другие города поднимались в безлюдных пустынях, где сквозь песок просачивалась столь драгоценная вода. Здесь изнуренный зноем путник мог утолить жажду и отдохнуть в тени городских стен, благословляя того, кто пришел сюда первым и построил город. Одни города вырастали на земле, другие словно выходили из моря... Есть города-крепости, города-казармы и города, которые выросли вокруг пристани, фабрики или рынка.

По-разному начинались города, и по-разному складывались их судьбы. Многие из них когда-то были украшением земли, а теперь их развалины одиноко стоят среди пустынь и джунглей. Но путешествуя по руинам крепостей и храмов, по улицам и площадям древних городов, мы совершаем экскурс не просто любопытства ради. Это, прежде всего, познание человеком самого себя, ибо без знания прошлого не просто нет будущего, без него и жизнь часто теряет всякий смысл. Древние города жили, торговали, бурлили ежедневными заботами; их жители строили дворцы и храмы и создавали шедевры задолго до Рождества Христова. И в этом мире родилась гигантская духовная культура, не состарившаяся и через тысячелетия.

По-разному и возвращались города к жизни. В конце 1880-х годов по всему миру гремела сенсационная слава Генриха Шлимана, раскопавшего легендарную Трою. Ту Трою, которую считали сказкой не только великие поэты И.В. Гете и Д.Г. Байрон, но и все европейские ученые. Но Г. Шлиман не мог, не хотел верить, что Троя погибла безвозвратно, что ничего не осталось от столь могучего когда-то города – ни разрушенных стен, ни хотя бы камней. Немецкий археолог доверился античной сказке и победил всех.

Почти 2000 лет назад при извержении Везувия погибли три цветущих итальянских города – Помпеи, Геркуланум и Стабии. Но с возрождением погребенных городов перед глазами людей нового времени античный мир впервые предстал во всей своей полноте. Древние камни дворцов, храмов и городов рассказали нам о великих и трагических страницах истории.

Знаменитые города мира тем и знамениты, что любой человек может перечислить их достопримечательности независимо от того, был он в этих городах или нет. Стоит только назвать имя французской столицы – и сразу встают перед глазами виденные в фильмах или на фотографиях огромные Лувр и Собор Парижской Богоматери, знаменитая Эйфелева башня или Вандомская колонна...

О строительной деятельности римского императора Августа еще Светоний писал: «Город Рим, не отвечающий своим внешним видом величию империи и подверженный наводнениям и пожарам, он так украсил, что по справедливости мог хвастаться, что, приняв его кирпичным... оставляет мраморным». Один немецкий ученый назвал Италию «огромным Лувром», но и это определение кажется слабым. Где найти слова, чтобы воспеть красоту каналов Венеции, площадей Пизы и Сиены, центральных кварталов Флоренции и Болоньи, знаменитый на весь мир фонтан Треви?!

Создавая книгу, которую читатель держит в руках, мы хотели рассказать об истории и судьбе как исчезнувших городов древности, так и тех, которые через века и тысячелетия пронесли свой нетленный облик. Не все города вошли в сборник серии «100 великих»: остались в стороне Троя и Микены¹, Помпеи и Тиауанако, Ангкор-Ват и Лос-Анджелес, Хива и Шираз, Загуан и многие другие... Надеемся, что вдумчивый и любознательный читатель сам продолжит этот увлекательный поиск.

¹ О них и найденных в них сокровищах можно подробнее прочитать в книге «100 великих сокровищ».

Ниневия – древняя столица Ассирии

Охота на львов. Рельеф из дворца царя Ашишурбанипала в Ниневии.

VII до н. э.

Многие народы древности бесследно исчезли с исторической сцены. Ничего, кроме археологических находок, не осталось от шумеров, филистимлян, хеттов, сыгравших значительную роль в человеческой цивилизации.

Ассирийцы – редчайшее исключение. Гибель их древней столицы в 612 году до нашей эры и последующее окончательное крушение государства не сопровождались уничтожением ассирийцев как народа или ассимиляцией их с завоевателями. Они «спаслись» в неприступных горах Курдистана и там, среди своих соседей-курдов, нашли убежище на долгие годы.

Через 100 лет после гибели Ниневии ассирийцы упоминаются в дворцовых надписях древнеперсидского царя Дария I. Так, в Сузах археологи обнаружили надпись, сообщавшую о строителях царского дворца: «Земля была вырыта... гравий засыпан, и кирпичи сформованы, и эту работу сделали вавилоняне. Дерево, называемое кедр, было привезено с гор Ливана. Ассирийцы довели его до Вавилона».

Сведения об ассирийцах встречаются и у средневековых арабских историков, которые сообщают, что «потомки ассирийцев продолжают жить на тех же местах». Это подтверждается целым рядом бесспорных фактов, например, армянская церковь с древнейших времен и до наших дней называет епископство города Мосула ассирийским епископством. Сами ассирийцы называют его «курсий д'Нинви», что значит «епископство Ниневии». До сих пор в январе они отмечают «День Ниневии» как самый торжественный праздник. Как и их древние предки, нынешние ассирийцы соблюдают пост «Баута д'Нинви» («Пожелание Ниневии»), который считается самым важным и строгим постом. Они надевают на голову войлочные конусообразные

шапки, какие носили их предки и какие можно увидеть на древних барельефах: такие шапки на Востоке были распространены только среди ассирийцев.

Но о Ниневии рассказывается не только в древних документах, об этом городе упоминается и в самой Библии. В книге «Бытие» (10, 11) говорится: «Из сей земли (Сеннаар. – *Н.И.*) вышел Ассур и построил Ниневию». Случилось это в глубокой древности, но о расширении Ниневии долго не было никаких известий – вплоть до того времени, когда туда был послан Иона. Господь повелел Ионе идти в город великий, в Ниневию, и возвестить там о ее разрушении, так как она всегда была полна гордыни и говорила в сердце своем: «Я – и нет иного, кроме меня».

Но Иона и сам, вместо того чтобы подчиниться Господу, бежал от лица Его. Только после второго повеления Иона послушал Господа и отправился в Ниневию – «великий город перед лицом Бога». Это был чрезвычайно большой город, окружность которого составляла примерно 150 километров. На этой территории располагались не только царские дворцы и храмы, но также сады и пастбища, необходимые для прокорма весьма значительной численности скота.

В исторической литературе основателем Ниневии считается Синахериб, сын царя Саргона. Он перенес сюда столицу из Дур-Шаррукина, обустроил город с невиданной роскошью и окружил его стеной (протяженностью около 12 километров) с 15 воротами. Чтобы снабжать Ниневию водой, по приказу Синахериба с гор провели канал шириной 20 метров. Сложенный из каменных плит, канал этот (длиной более 50 километров) то шел через тоннель, то пересекал долины по акведуку, стоящему на сплошном основании. В одной из найденных надписей ученые прочитали, что Синахериб щедро одевал и кормил строителей канала.

Ниневия была огромным городом, численность населения которого достигала 170 000 человек. Дома в городе были большие и светлые, улицы – прямые, широкие и зеленые. Центральная улица ассирийской столицы, прозванная Царской, в ширину равнялась 26 метрам, что шире Невского проспекта в Санкт-Петербурге. Царская улица была залита асфальтом, по обеим сторонам ее стояли статуи.

Стены дворца царя Ашшурбанипала в Ниневии были покрыты рельефными плитами. Действующие лица и сцены, изображенные на этих плитах, – это ассирийские воины, штурмующие вражеские крепости, форсирующие реки или готовящие коней к бою; колонны рабов и рабочих, перетаскивающих в корзинах землю и камень и возводящих дворцы. Однако главным героем на всех рельефах является сам царь Ашшурбанипал, который всегда изображается великим и могучим.

В Библии несколько раз упоминается о Ниневии, и многие пророчества предсказывают ее гибель: она станет безлюдной и сухой, как пустыня, потому что всегда была городом крови, грабительства, обмана и убийств. Еще при жизни царя Ашшурбанипала войска мидийского царя Фраорта пытались штурмом взять Ниневию, но тогда город выдержал все нападения противника.

По преданию, Ниневию спас стодневный пост. В дни осады царь повелел «провозгласить и сказать в Ниневии от имени царя и вельмож его, чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбища и воды не пили. И чтобы покрыты были вретисцем люди и скот, и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего, от насилия рук своих». Бог увидел их добрые дела и отвел от них бедствие, которым угрожал вначале.

Однако при жизни царя Ашшурбанипала участились и выступления покоренных народов, а после его смерти восстание против ассирийских правителей подняли Сирия, Финикия, Иудея, Египет. Отделился и Вавилон, на его престол вступил бывший наместник вавилонского приморья Набопаласар, который заключил союз с мидийским царем Киаксаром.

В 614 году до нашей эры мидийский царь при поддержке вавилонской армии под предводительством Набопаласара осадил Ниневию, но все их усилия были напрасны. Горожане дали

завоевателям достойный отпор, и только получив подкрепление со стороны всех подвластных ему народов, мидийский царь преодолел сопротивление ниневийцев.

Этому помогло и одно природное обстоятельство: мидийцам удалось разрушить плотину на реке Хусур, Тигр вышел из берегов и смыл часть городских стен, что позволило мидийцам войти в ассирийскую столицу. Ворвавшиеся в город завоеватели начали беспощадно уничтожать жителей и грабить царские дворцы. Потом они предали город огню и сровняли его с землей, а все богатства Ниневии отправили в Экбатаны.

Поиски столицы ассирийского царства в 1842 году начал французский консул П.Э. Ботта, но они оказались безрезультатными. Через четыре года на земле древней Месопотамии появился другой археолог – Астон Генри Лэйярд, которому и посчастливилось открыть Ниневию.

Грешный и великий Вавилон

Современный Вавилон. Раскопки вблизи ворот Иштар

В 90 километрах к югу от Багдада раскинулись покрытые пылью веков развалины древнего Вавилона, которые представляют собой четыре огромных холма из щебня. Здесь в Междуречье несколько тысячелетий назад зародился один из первых очагов человеческой цивилизации со знаменитыми «висячими садами Семирамиды» и райскими кущами, где, по преданию, прародительница Ева сорвала яблоко, соблазнившее Адама.

В течение всего времени своего существования Вавилон не раз переходил из рук в руки, и со временем он стал столицей одного из самых грозных и могущественных государств древнего мира. Мощное Вавилонское царство просуществовало вплоть до завоевания его персидским царем Киром в 538 году до нашей эры. Почти через два столетия город захватил Александр Македонский, который вначале даже намеревался сделать его столицей своей необъятной державы. Но потом великий завоеватель основал невдалеке другой город, который назвал своим именем.

Вавилон давно перестал существовать, но и сегодня эти величественные руины свидетельствуют о его былой грандиозности. В древности местные жители называли его «Бабили», что означает «Врата бога»; греки трансформировали это название в Вавилон, сами же иракцы до сих пор пишут и произносят это слово как «Бабилон».

Впервые упоминание о Вавилоне встречается в легенде о царе Саргоне, который правил Аккадом примерно в середине III тысячелетия до нашей эры. В ней рассказывается о том, что Саргон Аккадский подавил восстание в подвластном ему Вавилоне. Многие историки свидетельствуют об огромных размерах этого города, хотя до сих пор и не пришли к единому мнению относительно его протяженности. Согласно сообщениям Геродота, посетившего Вавилон около середины V века до нашей эры, город тянулся по обоим берегам Евфрата в виде огром-

ного четырехугольника шириной и длиной по 22 километра. В нем было по 25 медных ворот с каждой стороны, от ворот шли улицы, которые пересекались под прямым углом. Дома в Вавилоне стояли не вплотную друг к другу, и поэтому между ними оставалось свободное пространство для садов и даже для полей и виноградников.

Лет через 100–150 после Геродота в Вавилоне жил жрец Бероз, который написал большое сочинение о городе. В своей книге жрец рассказал историю Вавилона и Ассирии, изложил много легенд о царях и главные мифы о богах. К сожалению, бесценный труд Бероза почти полностью погиб, до нас дошло только несколько отрывков из него, которые приводит в своих сочинениях христианский писатель Евсевий Кесарийский.

Так печально обстояло дело, и казалось, что вместе с Вавилоном, разрушенным во время упадка Римской империи, погибли и все письменные памятники, которые могли бы рассказать нам о судьбе города. На протяжении 44 столетий город дважды исчезал с исторической арены, но развалины знаменитого Вавилона не исчезли бесследно.

Руины Вавилона привлекли внимание археологов еще в 1850 году, их обследованием занимались А.Г. Лэйярд, О. Рассам, Дж. Смит и другие ученые. Среди предметов, обнаруженных в развалинах, было найдено несколько кирпичей с именами царей Нериглиссара и Левинета, однако на большинстве обнаруженных кирпичей значится имя Навуходоносора II. Именно во время правления этого царя, в VI веке до нашей эры, Вавилон достиг своего расцвета. Тогда ему были подвластны земли Аккада и Шумера, и Вавилон превратился в крупный торговый и культурный центр. По Евфрату в город с севера приходили корабли с медью, мясом, строительными материалами, а на север следовали караваны с пшеницей, ячменем и фруктами. В годы царствования Навуходоносора II притекавшие в Вавилон сокровища из Передней Азии употреблялись на перестройку столицы и возведение вокруг нее могучих укреплений.

С 1899 года Берлинский музей доверил начать раскопки в древнем Вавилоне Роберту Кольдевею. Сначала немецкая экспедиция раскопала два ряда вавилонских стен, которые тянулись вокруг города почти на 90 километров. Их длина в два раза превышала окружность Лондона XIX века, а ведь английская столица того времени насчитывала более 2 000 000 жителей.

В начале 1900 года немецкая экспедиция обнаружила еще и третий пояс вавилонских стен. Своей толщиной они не уступали стенам ассирийского Дур-Шаррукина, и потому на них были выстроены казармы для солдат гарнизона, охранявшего город. Если бы все кирпичи этих стен вытянуть в одну линию, то она опоясала бы земной шар по экватору 12–15 раз.

Превратив столицу в неприступную крепость, Навуходоносор приказал высечь в камне надпись:

Я окружил Вавилон с Востока мощной стеной, я вырыл ров и укрепил его склоны с помощью асфальта и обожженного кирпича. У основания рва я воздвиг высокую и крепкую стену. Я сделал широкие ворота из кедрового дерева и бил их медными пластинками. Для того, чтобы враги, замыслившие недоброе, не могли проникнуть в пределы Вавилона с флангов, я окружил его мощными, как морские воды, водами...

Но еще больше, чем крепостные стены, Р. Кольдевей (а вместе с ним и весь мир) поразило другое открытие. Уже при пробных раскопках на холме Каср немецкая экспедиция нашла улицу, вымощенную большими плитами, часть которых была покрыта надписями. Эта улица оказалась «Дорогой для процессий бога Мардука», и шла она от Евфрата и Больших ворот до Эсагиле – главного храма Вавилона, посвященного богу Мардуку. На нижней стороне каждой плиты клинописью было выбито:

Я, Навуходоносор, царь Вавилона, сын Набопаласара, царя Вавилона. Вавилонскую дорогу паломников замостил я для процессии великого владыки

Мардука каменными плитами... О Мардук! О Великий владыка! Даруй жизнь вечную!

Роберту Кольдевею удалось раскопать в Вавилоне и знаменитые «висячие сады Семирамиды», которые, однако, были возведены не этой легендарной царицей и даже не во времена ее царствования. Они были построены по приказу Навуходоносора II для его любимой жены Амитис – мидийской царевны, которая в пыльном Вавилоне тосковала по зеленым холмам своей родины. Великолепные сады с редкими деревьями, ароматными цветами и прохладой в знойном Вавилоне были поистине чудом света.

Тот Вавилон, который в течение нескольких лет раскапывала немецкая экспедиция Р. Кольдевея, был построен на развалинах и останках многих других городов, следы которых удалось обнаружить в нескольких местах раскапываемой площади. Это были остатки того Вавилона, который на протяжении своей долгой истории не раз был осквернен, но не покорился ни ассирийцам, ни каким-либо другим врагам. Это были руины того Вавилона, который за 1000 лет до Навуходоносора II был резиденцией прославленного вавилонского царя Хаммурапи.

Древний Вавилон занимает значительное место в Ветхом Завете в связи со своими отношениями с Израилем: он упоминается почти в каждой главе «Книги Иеремии». Кроме того, он примечателен еще и тем, что является первой из четырех великих империй, о гибели которых пророчествовал пророк Даниил. Царство Господа, установленное в доме Давида и поддерживаемое в Иудее, на время прекратило свое существование из-за беззаконий, настали «времена язычников». В «Апокалипсисе» Вавилон назван «тайной», «матерью блудницам и мерзостям земным», где предавались пьянству и буйному веселью.

Но Вавилон был не только городом греха: как пишет Э. Церен в своей книге «Библейские холмы», Вавилон был религиозным «кладезем глубочайшего благочестия». В одной из раскопанных надписей упоминается, что в городе было 53 храма великих богов, 300 святилищ земных и 600 небесных божеств, одному только богу Мардуку было посвящено 55 святилищ. Вблизи храма Эсагиле раскинулся район Этеменанки, во внутреннем дворе которого стояла знаменитая Вавилонская башня. Подобные башни возводились не только в Вавилоне: любой шумеро-аккадский или ассиро-вавилонский город имел свой зиккурат – большой ступенчатый или башенный храм со святилищем на вершине, в которое «бог с небес вступал».

Та башня, о строительстве которой говорится в Библии, была разрушена, вероятно, еще до эпохи царя Хаммурапи. На смену ей была выстроена другая, в память о первой. Сохранились следующие слова царя Набопаласара:

К этому времени Мардук повелел мне Вавилонскую башню, которая до меня ослаблена была и доведена до падения, воздвигнуть, фундамент ее установив на груди подземного мира, а вершина ее чтобы уходила в поднебесье». Сын его Навуходоносор II добавил: «Я приложил руку к тому, чтобы достроить вершину Э-темен-анки так, чтобы поспорить она могла с небом».

По сообщениям Геродота, Вавилонская башня была тем сооружением, где башни возвышались «одна над другой»². На последней башне был воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением одной женщины, которую, по словам халдеев... бог выбирает себе из всех местных женщин.

В Библии говорится о том, что разгневавшийся на людей Бог смешал их языки, так что они перестали понимать друг друга, и рассеял вавилонян по всему миру. Но о разрушении самой башни в Библии ничего не говорится, однако то, что предстало перед глазами экспеди-

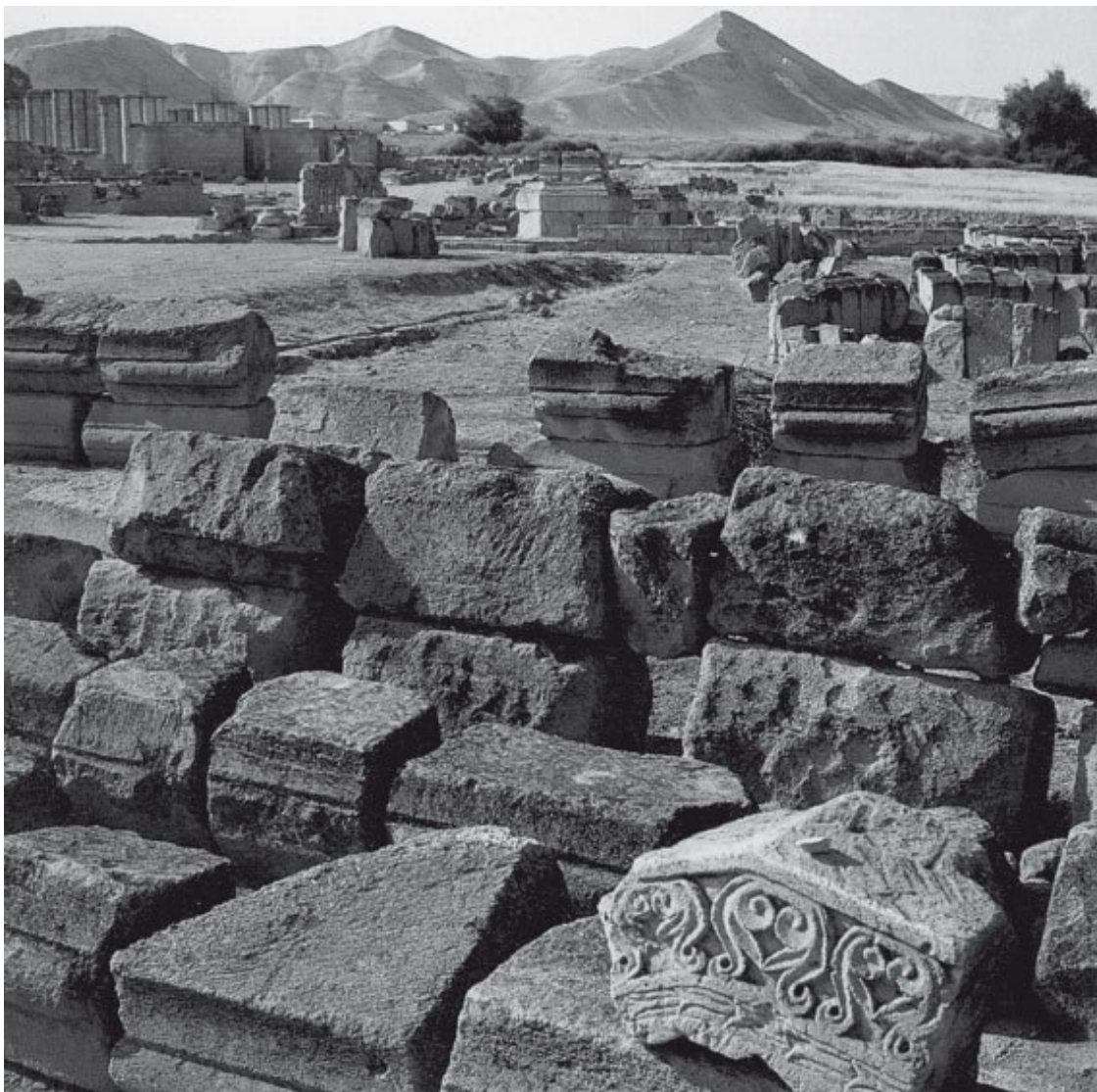
² Всего, по данным Геродота, башен было восемь.

ции Р. Кольдевея, было лишь грудой кирпичей, разбитых на тысячи кусков. Персидский царь Ксеркс оставил от Вавилонской башни только развалины, которые в 324 году до нашей эры на пути в Индию увидел Александр Македонский. Гигантские руины поразили его настолько, что он пытался вновь отстроить это сооружение, используя для этого 10 000 человек. Однако великий полководец вскоре заболел и умер – раньше, чем были разобраны развалины.

Сам Вавилон был захвачен Гобрием, военачальником персидского царя Кира. Древний город пал, хотя стены Навуходоносора II продолжали стоять и никто ими так и не овладел. Некоторые древние памятники свидетельствуют, что захвату Вавилона поспособствовало предательство некоторой части его жителей. Священное писание совершенно определенно говорит о полном разрушении города:

Вавилон, краса царств, гордость халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра, не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем; не раскинет аравитянин шатра своего, и пастухи со стадами не будут отдыхать там. Но будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся; и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены – в увеселительных домах.

Иерихон – город пальм

Иерихон. Дворцовые руины

История Иерихона насчитывает около десяти тысячелетий. Расположенный ниже уровня моря, город представляет собой оазис среди песков – с прекрасными пальмовыми рощами и фруктовыми садами. Здесь круглый год стоит теплая температура, и потому даже в марте, когда в России еще лежит снег, в городе цветут апельсиновые, абрикосовые и лимонные сады, цветы которых распространяют дивное благоухание. Аллеи из тополей и эвкалиптов окружают поля арахиса, капусты и помидоров...

Иерихон не раз упоминается в Ветхом Завете: например, когда Моисей взошел с равнин Моавитских на гору, лежащую против Иерихона,

показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана, и всю землю Неффалимову, и всю землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого западного моря, и полуденную страну и равнину долины Иерихона, город Пальм, до Сигора.

Иерихон прославился из-за библейской истории, согласно которой он был первым городом, который захватили израильтяне, вступившие на землю Ханаана. Соглядатаи от Иисуса Навина были спрятаны в Иерихоне блудницей Раав, от которой они и узнали, что навели ужас на городских жителей. Шесть дней воины Иисуса Навина обходили Иерихон с ковчегом и в сопровождении священников.

Когда в седьмой раз священники трубили трубами, Иисус сказал народу: воскликните, ибо Господь предал вам город!

...Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро народ услышал голос трубы, воскликнул народ (весь вместе) громким и сильным голосом, и обрушилась вся стена города до своего основания, и весь народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город.

Эрих Церен в упоминавшейся уже книге «Библейские холмы» пишет, что «в тысячелетней истории разнообразных осад, пережитых человечеством, нет ни одного случая, который можно было бы сравнить с осадой Иерихона. Хотя, согласно легендам, часто бывало, что боги благословляли оружие завоевателей». Поэтому даже только из-за одних своих оборонительных стен Иерихон может представлять интерес для археологических исследований.

Раскопки в Иерихоне впервые начали в 1868 году англичане, но успех был незначительным, и они приостановили работу. Через 30 лет сюда пришли немецкие исследователи, которыми руководил профессор Э. Зеллин. Они сразу увидели, что английская экспедиция копала недостаточно глубоко. Начав свои раскопки в 1908 году, немцы почти сразу наткнулись на старинную городскую стену. Археологи тщательно измерили эти удивительные сооружения и стали искать те слабые места, которые могли разрушиться.

Толщина наружной стены равнялась приблизительно полутора метрам, а внутренней – доходила до 3,5 метра: расстояние между ними достигало примерно 3–4 метров. И все-таки эти грандиозные сооружения упали на самом деле, причем обвал больших частей внешних стен происходил наружу, а внутренних – внутрь. Современные ученые считают, что разрушились они из-за землетрясения, случившегося в долине Иордана у Мертвого моря.

Немцы покинули холм Иерихона, состоявший из перемешанных с землей черепков и обломков кирпича. Из Библии они знали, что город впоследствии вновь был восстановлен и передан Вениамину, но позже город захватил Еглон – царь Моава. Иерихон был назван «городом пальм», которые и сейчас произрастают там во множестве – финиковые и бальзамовые. Затем там поселились «сыны пророков», которые сказали, что расположение города хорошо, но вода там нехороша. И тогда пророк Елисей сотворил свое первое чудо: он бросил в воду соль, и вода сделалась здоровой.

До того как Антоний подарил Клеопатре пальмовую рощу Иерихона и бальзамовые сады, о городе мало что было известно. От египетской царицы это место перешло к Ироду Великому, построившему здесь дворец, в котором он впоследствии и умер.

Благодаря своему географическому положению Иерихон издавна был ключом к Палестинскому нагорью, так как здесь сходились множество дорог. В городе собирались богомольцы из стран, расположенных к востоку от Иордана, когда они в дни больших храмовых праздников направлялись в Иерусалим. Сюда же пришел из Назарета и Иисус Христос, когда впервые направил шаги свои к святому городу. Не доходя до Иерихона, Спаситель исцелил слепого от рождения человека, который сидел у дороги и просил милостыню.

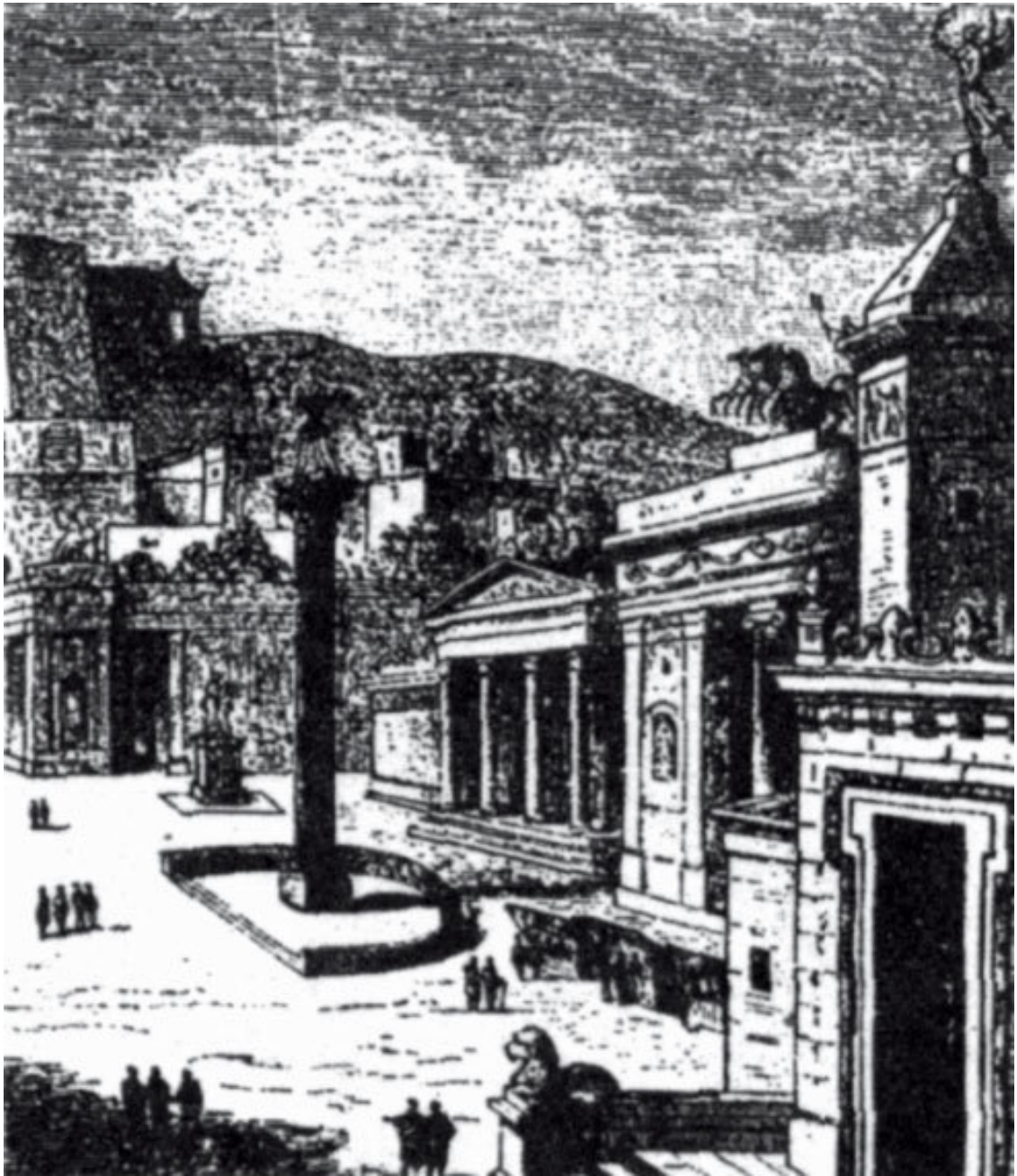
...Недалеко от рыночной площади современного Иерихона стоит холм высотой 20 метров. Именно здесь в начале XX века и было открыто то, что осталось от древнего Иерихона – одного из старейших городов мира. Однако на территории раскопок привлекают к себе внимание и остатки мощной, вросшей глубоко в землю башни; а к северу от раскопок древнего Иерихона находятся руины дворца Хишама ибн Аль-Малика – халифа Дамаска из династии

Омейядов. Этот великолепный дворец был построен в VIII веке, но сейчас ученые нашли только остатки двух мечетей и нескольких купален. Основной достопримечательностью дворца Хишама являются сохранившиеся мозаичные картины: особенно примечательна одна из них, на которой изображены «древо жизни», усыпанное золотистыми плодами, и нападающий на газелей лев.

На западной границе современного Иерихона возвышается «Сорокадневная гора» (высота ее – 380 м), которую еще называют «Горой искушения». Именно на этой горе, по преданию, Иисус Христос, искушаемый дьяволом, постился 40 дней и 40 ночей после своего крещения. На вершине горы остались развалины византийской церкви.

По пути к этой горе и находится источник пророка Елисея, а развалины вокруг него обозначают местоположение древнего города, располагавшегося в пяти милях от реки Иордан. Однако некоторые ученые считают, что не на этом месте был расположен новозаветный Иерихон, который, возможно, совпадает (а может быть, совсем не совпадает) с местонахождением небольшой деревушки Ериха, которую иногда называют Иерихоном.

Воинственная Спарта

Торговая площадь в Спарте. Реконструкция

Слава Спарты – пелопонесского города в Лаконии – в исторических хрониках и мире очень громка. Это был один из самых известных полисов Древней Греции, который не знал смут и гражданских потрясений, а его армия никогда не отступала перед врагом.

Спарту основал Лакедемон, царствовавший в Лаконии за полторы тысячи лет до Рождества Христова и назвавший город именем своей жены. В первые века существования города вокруг него не было никаких стен: их возвели только при тиране Навизе. Правда, позднее они были разрушены, но Аппий Клавдий вскоре воздвиг новые.

Создателем Спартанского государства древние греки считали законодателя Ликурга, время жизни которого приходится примерно на первую половину VII века до нашей эры. Насе-

ление Спарты по своему составу разделялось в то время на три группы: спартанцев, периэков и илотов. Спартанцы жили в самой Спарте и пользовались всеми правами гражданства своего города-государства: они должны были выполнять все требования закона и допускались ко всем почетным общественным должностям. Занятие земледелием и ремеслом хотя и не было запрещено этому сословию, но не отвечало образу воспитания спартанцев и потому презиралось ими.

Большая часть земель Лаконии была в их распоряжении и возделывалась для них илотами. Чтобы владеть земельным участком, спартанец должен был выполнять два требования: в точности следовать всем правилам дисциплины и предоставлять определенную часть дохода для сиссития – общественного стола: ячменную муку, вино, сыр и т. д. Дичь добывали охотой в государственных лесах; сверх того каждый, кто приносил жертву богам, посылал в сисситий часть туши жертвенного животного. Нарушение или невыполнение этих условий (по любым причинам) вело к потере прав гражданства. Все полноправные граждане Спарты, от мала до велика, должны были участвовать в этих обедах, причем никто не пользовался никакими преимуществами и привилегиями.

Круг периэков составляли тоже люди свободные, но они не были полноправными гражданами Спарты. Периэки населяли все города Лаконии, кроме Спарты, принадлежавшей исключительно спартанцам. Они не составляли политически целого города-государства, так как управление в своих городах получали только из Спарты. Периэки разных городов были независимы друг от друга, и в то же время каждый из них находился в зависимости от Спарты.

Илоты составляли сельское население Лаконии: они были рабами тех земель, которые обрабатывали в пользу спартанцев и периэков. Илоты проживали и в городах, но городская жизнь не была характерна для илотов. Они могли иметь дом, жену и семью, продавать илота вне владений запрещалось. Некоторые ученые полагают, что продажа илотов вообще была невозможна, так как они являлись собственностью государства, а не отдельного лица. До нас дошли некоторые сведения о жестоком обращении спартанцев с илотами, хотя опять же некоторые ученые считают, что в таком отношении больше проглядывало презрение. Плутарх сообщает, что ежегодно (в силу постановлений Ликурга) эфоры торжественно объявляли войну против илотов. Молодые спартанцы, вооруженные кинжалами, бродили по всей Лаконии и истребляли несчастных илотов. Однако впоследствии ученые установили, что такой способ истребления илотов был узаконен не во времена Ликурга, а только после Первой Мессенской войны, когда илоты сделались опасными для государства.

Плутарх, автор жизнеописаний выдающихся греков и римлян, начиная свой рассказ о жизни и законах Ликурга, предупреждает читателей, что ничего достоверного сообщить о них невозможно. Тем не менее он не сомневался в том, что этот политический деятель был лицом историческим. Большинство ученых нового времени считают Ликурга личностью легендарной: одним из первых еще в 1820-е годы засомневался в его историческом существовании известный немецкий историк античности К.О. Мюллер. Он предположил, что так называемые «законы Ликурга» гораздо древнее своего законодателя, так как это не столько законы, сколько древние народные обычаи, уходящие своими корнями в далекое прошлое дорийцев и всех других эллинов.

Многие ученые (У. Виламовиц, Э. Мейер и др.) сохранившееся в нескольких вариантах жизнеописание спартанского законодателя рассматривают как позднюю переработку мифа о древнем лаконском божестве Ликурге. Приверженцы этого направления поставили под сомнение и само существование «законодательства» в исторической Спарте. Обычаи и правила, которые регулировали повседневную жизнь спартанцев, Э. Мейер классифицировал как «житейский уклад дорийской племенной общины», из которой почти без всяких изменений и выросла классическая Спарта.

Однако результаты раскопок, проведенных в 1906—1910-х годах английской археологической экспедицией в Спарте, послужили поводом к частичной реабилитации античного предания о законодательстве Ликурга. Англичане исследовали святилище Артемиды Орфии – один из самых древних храмов Спарты – и нашли много художественных произведений местного производства: прекрасные образцы расписной керамики, уникальные терракотовые маски (больше нигде не встречающиеся), предметы из бронзы, золота, янтаря и слоновой кости. Эти находки в большинстве своем как-то не вязались с представлениями о суровой и аскетичной жизни спартанцев, о почти абсолютной изоляции их города от всего остального мира. И тогда ученые предположили, что законы Ликурга в VII веке до нашей эры еще не были пущены в действие и хозяйственное и культурное развитие Спарты шло так же, как и развитие других греческих государств. Только к концу VI века до нашей эры Спарта замыкается в себе и превращается в тот город-государство, каким его знали античные писатели.

Из-за угроз мятежа илотов обстановка тогда была беспокойная, и потому «инициаторы реформ» могли прибегнуть (как это нередко бывало в древности) к авторитету какого-либо героя или божества. В Спарте на эту роль был избран Ликург, который мало-помалу из божества начал превращаться в исторического законодателя, хотя представления о его божественном происхождении сохранялись до времен Геродота³.

Ликургу пришлось приводить в порядок народ жестокий и возмутительный, поэтому надо было научить его сопротивляться натиску других государств, а для этого сделать всех искусными воинами. Одной из первых реформ Ликурга была организация управления спартанской общиной. Античные писатели утверждают, что он создал Совет старейшин (герусию) из 28 человек. Старейшины (геронты) избирались апеллой – народным собранием; в герусию входили и два царя, одной из главных обязанностей которых было командование армией во время войны.

Из описаний Павсания известно, что периодом наиболее интенсивной строительной деятельности в истории Спарты был VI век до нашей эры. В это время в городе были возведены храм Афины Меднодомной на акрополе, портик Скиада, так называемый «трон Аполлона» и другие постройки. Однако на Фукидида, видевшего Спарту в последней четверти V века до нашей эры, город произвел самое безотрадное впечатление. На фоне роскоши и величия афинского зодчества времен Перикла Спарта казалась уже невзрачным провинциальным городком. Сами же спартанцы, не боясь прослыть старомодными, продолжали поклоняться архаичным каменным и деревянным идолам в то время, когда в других эллинских городах создавали свои шедевры Фидий, Мирон, Пракситель и другие выдающиеся скульпторы Древней Греции.

Во второй половине VI века до нашей эры наступает заметное охлаждение спартанцев к Олимпийским играм. До этого времени они принимали в них самое активное участие и составляли более половины победителей, причем во всех основных видах соревнований. В дальнейшем, за все время с 548 до 480 года до нашей эры, победу одержал только один представитель Спарты – царь Демарат – и только в одном виде состязаний – скачках на ипподроме.

Чтобы добиться согласия и мира в Спарте, Ликург решил навсегда искоренить богатство и бедность в своем государстве. Он запретил употреблять золотые и серебряные монеты, которыми пользовались во всей Греции, а вместо них ввел железные деньги в виде оболлов. На них можно было купить только то, что производилось в самой Спарте; кроме того, они были настолько тяжелые, что даже небольшую сумму надо было перевозить на повозке.

Ликург предписал и уклад домашней жизни: все спартанцы, от простого гражданина до царя, должны были жить в совершенно одинаковых условиях. Специальным предписанием

³ Согласно теории В. Эренберга, легенда о Ликурге впервые была пущена эфром Хилоном, который скорее всего сам был автором большинства приписываемых Ликургу законов.

указывалось, какие можно строить дома, какую одежду носить: она должна была быть такой простой, чтобы не было места никакой роскоши. Даже еда должна была быть у всех одинаковой.

Таким образом, в Спарте постепенно разлюбили богатство, так как пользоваться им стало невозможно: граждане меньше стали думать о добре собственном, а больше о государственном. Нигде в Спарте бедность не соседствовала с богатством, следовательно, не было зависти, соперничества и других корыстолюбивых страстей, изнуряющих человека. Не было и жадности, которая частную пользу противопоставляет государственному благу и вооружает одного гражданина против другого.

Одного спартанского юношу, который за бесценок приобрел землю, предали суду. В обвинении говорилось, что он еще слишком молод, а уже соблазнился выгодой, в то время как корысть – враг каждого жителя Спарты.

Воспитание детей считалось в Спарте одной из главных обязанностей гражданина. Спартанец, у которого было три сына, освобождался от несения сторожевой службы, а отец пятерых – от всех существовавших обязанностей.

С семилетнего возраста спартанец уже не принадлежал своей семье: дети были отделены от родителей и начинали общественную жизнь. С этого времени они воспитывались в особых отрядах (агелах), где за ними надзирали не только сограждане, но и специально приставленные цензоры. Детей учили читать и писать, приучали подолгу молчать, а говорить лаконично – кратко и четко. Гимнастические и спортивные упражнения должны были развивать в них ловкость и силу; чтобы в движениях была гармония, юноши должны были участвовать в хороших плясках; охота в лесах Лаконии вырабатывала терпение к тяжким испытаниям. Кормили детей очень скудно, поэтому недостаток в пище они восполняли не только охотой, но и кражей, так как их приучали и к воровству; но если кто попадался, то били нещадно – не за кражу, а за неловкость.

Достигнувших 16 лет юношей подвергали очень суровому испытанию у алтаря богини Артемиды: их жестоко секли, они же должны были молчать. Даже самый малый вскрик или стон способствовали дальнейшему наказанию: некоторые не выдерживали испытания и умирали.

В Спарте существовал закон, согласно которому никто не должен был быть полнее, чем это необходимо. По этому закону все юноши, не достигшие еще гражданских прав, показывались эфторам – членам выборной комиссии. Если юноши были крепки и сильны, то их удостоивали похвалы; юношей, чье тело находили слишком дряблым и рыхлым, били палками, так как их вид позорил Спарту и ее законы.

Плутарх и Ксенофонт утверждают, что Ликург узаконил, чтобы и женщины выполняли те же самые упражнения, что и мужчины, и сделались через то крепкими и могли рожать крепкое и здоровое потомство. Таким образом, спартанские женщины были достойны своих мужей, так как тоже подчинялись суровому воспитанию.

Женщины Спарты, у которых погибли сыновья, шли на поле битвы и смотрели, куда они были ранены. Если в грудь, то женщины с гордостью смотрели на окружающих и с почетом хоронили своих детей в отчих гробницах. Если же видели раны на спине, то, рыдая от стыда, спешили скрыться, предоставляя хоронить мертвых другим.

Брак в Спарте тоже был подчинен закону: личные чувства не имели никакого значения, потому что все это было делом государственным. В брак могли вступать юноши и девушки,

физиологическое развитие которых соответствовало друг другу и от которых можно было ждать здоровых детей: брак между лицами неравных комплекций не допускался.

Однако у Аристотеля о положении спартанских женщин сказано совсем по-другому: в то время как спартанцы вели строгую, почти аскетическую жизнь, жены их предавались в своем доме необыкновенной роскоши. Это обстоятельство заставляло мужчин добывать деньги часто нечестными путями, ибо прямые средства были им запрещены. Аристотель пишет, что Ликург пытался и спартанских женщин подчинить такой же строгой дисциплине, но встретил с их стороны решительный отпор.

Предоставленные сами себе, женщины сделались своевольными, предались роскоши и распушенности, они даже стали вмешиваться в государственные дела, что в конце концов привело в Спарте к настоящей гинекократии. «Да и какая разница, – горестно вопрошает Аристотель, – правят ли сами женщины или же начальствующие лица находятся под их властью?» В вину спартанкам ставилось то, что они вели себя дерзко и нахально и позволяли себе роскошествовать, тем самым бросая вызов строгим нормам государственной дисциплины и морали.

Чтобы охранить свое законодательство от иноземного влияния, Ликург ограничил связи Спарты с иностранцами. Без разрешения, которое давалось только в случаях особой важности, спартанец не мог покинуть город и выехать за границу. Иностранцам тоже было запрещено появляться в Спарте, и если их иногда все же видели на улицах города, то это было лишь послаблением закона. Негостеприимство Спарты было самым известным явлением в древнем мире.

Граждане Спарты представляли собой что-то вроде военного гарнизона, постоянно упражнявшегося и всегда готового к войне или с илотами, или с внешним врагом. Законодательство Ликурга приняло исключительно военный характер еще и потому, что то было время, когда отсутствовали общественная и личная безопасность, отсутствовали вообще все начала, на которых зиждется государственное спокойствие. Кроме того, дорийцы в весьма незначительном числе осели в стране покоренных ими илотов и были окружены полупокоренными или совсем не покоренными ахейцами, поэтому только битвами и победами они могли держаться.

Такое суровое воспитание, на первый взгляд, могло представить жизнь Спарты очень скучной, а сам народ несчастным. Однако из сочинений древнегреческих авторов видно, что столь необычные законы сделали спартанцев самым благополучным народом в древнем мире, потому что везде господствовало только соперничество в приобретении добродетелей.

Существовало предсказание, согласно которому Спарта останется сильным и могущественным государством, пока будет следовать законам Ликурга и останется равнодушной к золоту и серебру. После войны с Афинами спартанцы привезли в свой город деньги, которые соблазнили жителей Спарты и заставили их отступить от законов Ликурга. И с того времени доблесть их стала постепенно угасать...

Аристотель же полагает, что именно ненормальное положение женщин в спартанском обществе привело к тому, что Спарта во второй половине IV века до нашей эры страшно обезлюдела и лишилась своей былой военной мощи⁴.

⁴ Подробнее об этом можно прочитать: Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия //Женщина в античном мире. – М.: Наука, 1995.

Ур Халдейский

Голова быка из царской гробницы в Уре.

Человеку, побывавшему сегодня в той части Ирака, которая, словно руки, с двух сторон обнимает Тигр и Евфрат, трудно поверить, что 5–6 тысячелетий назад это был один из самых густонаселенных и, может быть, самый цивилизованный уголок земли. Сейчас эти места пустынные: с безоблачного неба льет свои знойные потоки солнце, сильный ветер гонит тучи песка, дожди выпадают редко. Лишь на короткое время весной желто-бурая пустыня расцветается зеленью трав и яркой пестротой цветов.

Однако именно в этом угрюмом краю был очаг величайшей цивилизации на земле, здесь возникла древнейшая из известных культур и древнейшее из открытых до сих пор государств. Уроженцем Ура был Авраам – избранник бога Яхве, заключивший с ним «завет» и ставший родоначальником евреев и арабов (через Измаила). Из города Ура, располагавшегося в Южной Месопотамии, Авраам был призван Богом, который сказал ему: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего (и иди) в землю, которую Я укажу тебе».

Сейчас на голой и бесплодной пустыне высятся холмы, по названию самого высокого из них арабы называют всю местность «аль-Муккайир» – «Смоляной холм». Впервые изучение этого края началось в 1854 году, когда Д.Е. Тейлор, английский консул в Басре, во время одной из своих инспекторских проверок начал обследовать некоторые районы Месопотамии. Он и определил «Смоляной холм» как место, под которым скрыты развалины библейского города Ура.

На развалинах храмовой башни Д.Е. Тейлор обнаружил цилиндры с надписями, которые упоминали имя царя Набонида, но тогда консул еще не мог прочесть надписи вавилонского царя. Более того, в самой Англии не нашлось никого, кто бы заинтересовался ими. Сообщение Д.Е. Тейлора о его попытках проникнуть в тайны «Смоляного холма» в Лондоне было принято спокойно, даже равнодушно, а потом и вовсе сдано в архив. В своей книге «Библейские холмы» немецкий писатель Эрих Церен отмечает, что Англия, обогатив свои «музеи быками-коLOSSами с человеческими головами, чуть было не проспала славу первооткрывателей библейского Ура халдеев». Честь этого открытия она разделила с американцами, когда экспедиция Пенсильванского университета в конце XIX века предприняла на заброшенном холме пробные раскопки. Но и американцы не опубликовали ни одного сообщения о результатах своих исследований.

В конце Первой мировой войны попавший в Месопотамию английский солдат К. Томпсон, чтобы скрасить свою однообразную солдатскую жизнь, стал осматривать руины некоторых холмов. Но его ограниченных средств не хватало для серьезных раскопок огромного холма, однако, вернувшись в Лондон, он сумел заинтересовать Британский музей. Новые раскопки Ура начались только в 1922 году, когда музей Пенсильванского университета предложил Британскому музею совместную работу под руководством археолога Л. Вулли. Десять лет продолжались раскопки в Уре, а затем они были приостановлены, чтобы научно обработать и опубликовать накопившийся материал.

В Уре археологи раскопали огромную храмовую площадь, на которой постройки возводились в течение почти 2000 лет – от царей древнейшего шумерского времени до великих царей Персии. Раскопанные экспедицией храмы были ограблены еще в древности, но и сохранившиеся остатки позволили ученым установить многое. Например, что деревянные двери храмов когда-то были облицованы золотыми пластинками, а украшениями стен служили золотые звезды, гвозди и лучи.

Самые грандиозные постройки в Уре относятся приблизительно к рубежу III и II тысячелетий до нашей эры – ко времени правления царей III династии. На центральной площади Ура, как и в других древних городах Месопотамии, возвышался зиккурат – массивная многоступенчатая башня, в которой стояла статуя могущественного бога Нанна, покровителя города, – самое большое и красивое сооружение Ура. Башня называлась «горой Бога», и ее было видно далеко за пределами города. В стенах зиккурата археологи нашли множество глиняных конусов, которые закапывались в землю при закладке здания. На них была надпись:

«Во славу царственного сына Нанна, сияющего с ясных небес, внемлющих мольбам и молитвам... я, Варадсин, благочестивый правитель... построил для бога дом его, радость сердца Этеменнигур. Чудо и украшение земли, да стоит он вечно!»

Жилые дома в Уре были достаточно комфортабельны по тем временам. Фундамент дома и нижние части стен, чтобы предохранить их от дождя, были сложены из обожженного кирпича, а остальная часть стен – из кирпича-сырца. В некоторых кварталах Ура дома были высотой в два этажа: в нижнем, кроме обязательного центрального двора, располагались еще праздничная горница и второй дворик-святилище (оно же было и семейной усыпальницей); во втором этаже находились жилые комнаты, которые выходили на галерею. Такие дома были рассчитаны на одну семью, но с ростом городского населения они стали заселяться несколькими, порой и не родственными семьями.

Население Ура составляли кузнецы, кожевники, рыбаки, сторожа, мастера-строители, жрецы и жрицы разного ранга. У немалой части населения Ура имелись и сельскохозяйственные интересы, но в основном жители были горожанами. Они уже не стремились переселиться за пределы города, несмотря на всю скученность и тесноту в нем. За городом могли безопасно жить только те, у кого уже нечего было отнимать, а большинство жителей Ура имели тесные связи с царским двором, храмами, с крупными мастерскими и т. д.

Экспедиция Л. Вулли вела раскопки и на большом погребальном поле в районе храмов Ура. На протяжении многих столетий из гробниц Ура было расхищено несметное количество сокровищ и бесценных произведений искусства, и все же археологам удалось найти две не потревоженные грабителями гробницы. Перед членами экспедиции предстала неожиданная и поразительная картина сложного погребального ритуала.

В углу огромной ямы (глубиной около 10 метров) был устроен каменный склеп, в который помещали тело умершего владыки. С ним оставались несколько приближенных, которых умерщвляли, прежде чем тоже положить в склеп. Затем на дно огромной усыпальницы, устланной циновками, по наклонному спуску сходили те, кто добровольно отправлялся с покойным царем в загробный мир: жрецы, руководившие всем погребальным обрядом, военачальники со знаками отличия, дамы из придворного гарема – в роскошных одеждах и драгоценных головных уборах, слуги, музыканты, рабы...

Следом за ними въезжали повозки, запряженные быками или ослами, а замыкали шествие воины, которые становились на страже у входа в гробницу, как и подобает солдатам: с медными копьями на боку и медными шлемами на голове. Все участники траурной процессии занимали отведенные для них места на дне могильного рва, и после заключительного священнодействия каждый выпивал чашу со смертоносным напитком и погружался в вечный сон.

Обширное собрание предметов было найдено в царских гробницах Ура, и среди них такие известные, как «золотой козлик в зарослях», «царский штандарт», шлем Мескаламдуга, головной убор Пу-аби, многочисленные печати со сценами «фриза сражающихся». А еще трапезиевидные арфы, украшенные инкрустированными изображениями животных: орел с львиной головой парит над двумя рогатыми животными, у священного дерева стоят два быка, сцена борьбы между львом и быком, которые поднялись на задние лапы, обхватив передними друг друга. Кроме этих сюжетов, на инкрустациях арфы ученые обнаружили «человека-быка» с рогами и копытами. Это был особый тип музыкальных инструментов, которые можно определить как «инструмент-изображение». Но когда и почему в древнем Уре возникла ассоциация с быком, ученые пока не могут объяснить. Однако имелась в виду, вероятно, не просто фигура животного.

*Свирепый бык молодой, круторогий... с бородой лазуритовой,
исполненный красоты!*

Так говорится в одном из гимнов о Нанна – боге Луны. Лазурит пользовался у шумеров особым почтением. В их мифах постоянно превозносилась красота этого камня, ведь и богиня смерти Ласу обитала в подземном царстве в лазуритовом дворце. Культ этой богини имел пря-

мое отношение к теме смерти и загробного мира, поэтому появление быка с «лазуритовой бородой» в царских гробницах говорит о том, что он участвовал в погребальных церемониях.

В царских гробницах были найдены и две деревянные четырехколесные повозки, относящиеся к III тысячелетию до нашей эры. Колеса и края повозок были инкрустированы длинными рядами серебряных и лазуритовых бусин и украшены серебряными кольцами и амулетами, тоже изображающими быков.

За несколько прошедших тысячелетий дерево, конечно, сгнило, однако археологам удалось реконструировать повозку, так как она лежала в яме совершенно нетронутой. В каждую повозку были впряжены по три быка, их скелеты лежали вместе с остатками сруи. Перед головами быков находились скелеты конюхов, которые держали животных за поводья. Внутри повозок ученые обнаружили останки возниц, сидящих на своих местах и держащих в руках вожжи так, как их застала смерть тысячелетия назад...

Старейшина столиц Дамаск

Даже кисть художника не может воспроизвести все многообразие и все сочетание красок, поражающих в Дамаске человеческий глаз. Здесь фантастическая смесь потускневших красок храмов, дворцов и мечетей 1000-летней давности и сверкающих новых улиц, площадей, витрин, вывесок и афиш...

О красоте Дамаска повествуют многие арабские книги и легенды. Древнее предание рассказывает, что, когда пророк Мухаммед впервые увидел Дамаск, город показался ему чудесным изумрудом, окаймленным желтым песком. Потрясенный его красотой, пророк боялся, что после Дамаска даже рай не покажется ему достаточно красивым.

Знаменитый средневековый путешественник Ибн Баттута, преодолевший за свою жизнь по суше и по воде 120 000 километров, побывал и на сирийской земле. Дамаск ему так понравился, что он назвал его «раем Востока» и остался в нем на весьма продолжительное время, чтобы закончить здесь свое образование.

Столица Сирии Дамаск – один из древнейших городов мира, ему около 6000 лет. По преданию, недалеко от Дамаска, в деревушке Бейт-Лахья, жила прародительница людей Ева. На одной из окрестных гор туристам и сейчас показывают место, где якобы похоронен ее сын Авель, ставший жертвой первого убийства на земле. Благочестивым паломникам и любопытным туристам показывают даже следы крови Авеля, оставшиеся на камнях...

С Дамаском связано много и других преданий и легенд, но и реальная история города читается как приключенческий роман. Археологи доказали, что на месте нынешнего Дамаска еще в IV тысячелетии до нашей эры стояло городское поселение. В XVI веке до нашей эры хетты, жившие в Анатолии и на севере Сирии, дошли до этого поселения и на своем языке назвали его Дамашиа. Полтора века спустя египетский фараон Тутмос III, который вел бесконечные войны с городами-государствами Сирии, захватил и Дамаску: так по-египетски звучало название этого города.

А в начале X века до нашей эры Дамаск сам стал столицей одного из сильнейших арамейских царств. Это государство было очень воинственным, много воевало и завоевывало,

но в 732 году до нашей эры ассирийцы захватили Дамаск, а его жителей выселили в Урарту. К середине VI века до нашей эры город отошел к персидской династии Ахеменидов, а после вторжения в Азию войск Александра Македонского начался новый период в истории Дамаска, растянувшийся на целое тысячелетие. Восточный город поневоле «повернулся на запад» и на 10 веков связал свою судьбу с европейской цивилизацией.

Даже краткое перечисление завоевателей, которые нападали на Дамаск, говорит о том, что судьба этого города не была безоблачной и благополучной: они приходили и уходили, оставляя в облике Дамаска и его истории свои следы. После того как войска императора Помпея в 66 году заняли город, он надолго вошел в состав Римской империи. Это было время расцвета Дамаска: в нем расширялась торговля, строились храмы и дворцы, театры и бани, прокладывались новые, по-римски прямые улицы. Одна из таких улиц, разделяющая Дамаск в пределах его старых стен на южную и северную части, сохранилась до нашего времени: она так и называется – Прямая.

Переход от римского правления к византийскому оказался для Дамаска почти незаметным. В городе был учрежден епископский престол, а в его окрестностях выросли десятки церквей и монастырей. Один из крупнейших монастырских комплексов, расположенный в Сейднае, своим возникновением обязан императору Юстиниану. Как свидетельствует предание, первой его настоятельницей была сестра Юстиниана. В маленькой комнатке-часовне хранится икона Богородицы, будто бы написанная с натуры самим евангелистом Лукой. В прежние времена с иконы сочился елей, который еще крестоносцы, как самую великую драгоценность, отправляли по каплям в Европу – дамам своего сердца. Сейчас увидеть эту икону невозможно, даже если открыть сейф, в котором она хранится. Перед ней во множестве висят подношения верующих: иконки, брошки, бусы, золотые изображения ног и рук, подаренные больными и страждущими в надежде на чудесное исцеление.

Тысячелетняя связь Дамаска с греко-римско-византийской культурой окончилась так же внезапно, как и началась. Всего одним штурмом город захватили персы-сасаниды, а уже в 635 году его покорили арабы, и с этого времени начинается история Дамаска как мусульманского города. Когда арабские войска осадили город, их полководец Халид ибн аль-Валид обратился к жителям Дамаска с такими словами:

Именем Аллаха милостивого, милосердного. Вот что дарует Халид ибн аль-Валид жителям Дамаска, если вступит в город: он обещает подарить им безопасность для их жизней, имущества и церквей. Городские стены не будут разрушены, и в их домах не будут размещены мусульмане. С того момента получают они подданство Аллаха и покровительство пророка его, халифов и правоверных. И пока платят они налоги, не учинится им никакого зла.

Поначалу арабы-мусульмане показывали себя защитниками местных христиан от византийского императора, держались осторожно и выполняли данные ими обещания. При халифе аль-Валиде из династии Омейядов в Дамаске была отстроена и украшена знаменитая Великая мечеть. До нашего времени в ней сохранились великолепные декоративные композиции с уникальными архитектурно-ландшафтными изображениями. В одной из таких композиций в своеобразной манере реально изображены архитектурные постройки и деревья, расположенные на берегу реки, через которую переброшены мостики. Вся композиция выглядит настолько натурально, что многие исследователи предполагают, что на ней передан архитектурный ансамбль самого Дамаска с протекающей рекой Барада.

Арабский халиф Муавия в 661 году провозгласил независимость Дамаска от тогдашней арабской столицы Медины, но столицей Дамаск был менее ста лет. Однако и впоследствии город продолжал играть весьма значительную роль, но уже только как центр культуры. Однако

сменившие Омейядов халифы из династии Аббасидов старались отнять у Дамаска и эту привилегию.

Если халифы из династии Омейядов в какой-то степени были весьма терпимы к своим христианским подданным, то Аббасиды сочли это непозволительной роскошью. И потому халиф Харун-ар-Рашид, хорошо известный по книге сказок «Тысяча и одна ночь», направил в Дамаск войска во главе с военачальником Бармакидом.

Христиане Дамаска, недовольные политикой Аббасидов, были должным образом наказаны: все построенные при Омейядах церкви халиф Харун-ар-Рашид приказал уничтожить, а членам разрешенных христианских общин отныне надлежало носить отличительные одежды. Давление на христиан в Сирии все росло, и многие из них вынуждены были эмигрировать. Скоро их и вовсе бы не осталось, но тут сами правители спохватились, что без христиан основное бремя налогов ляжет на плечи самих же мусульман.

О бурной истории первых веков ислама напоминают в Дамаске в основном гробницы. Например, в небольшой комнатке в юго-восточной части Великой мечети стоит гробница, в которой, по преданию, покоится голова имама Хусейна – внука пророка Мухаммеда, которого мусульмане-шииты почитали едва ли не выше других своих святых. В этом уголке мечети постоянно слышится персидская речь, так как поток паломников из Ирана никогда не прекращается.

На южном краю Гуты возведена еще одна святыня шиитов – мавзолей «малой Зейнаб», внучки пророка Мухаммеда. Строили и отделявали этот мавзолей иранские мастера, и, таким образом, в Дамаске сложился уголок настоящего Ирана. Точно такие же стены, гробницы, ковры и толпы молящихся паломников можно увидеть в святых местах Шираз, Кума и Мешхеда. Среди других знаменитых гробниц Дамаска выделяется захоронение первого в истории мусульманства муэдзина – эфиопа Баляля, соратника пророка Мухаммеда.

Крестовые походы на Восток обошли Дамаск стороной: город не был взят крестоносцами, хотя они и пытались овладеть им. Но жители Дамаска дали им достойный отпор, и рыцари вынуждены были снять осаду и отступить. В 1147 году Дамаск перешел под контроль прославленного полководца Салах-ад-Дина, которого в средние века воспевали за благородство и милосердие к побежденным крестоносцам. При нем в Дамаске было возведено много прекрасных архитектурных памятников, и сам он похоронен в великолепном мавзолее у стен Великой мечети – под резным деревянным надгробием, на верхушку которого намотана огромная зеленая чалма.

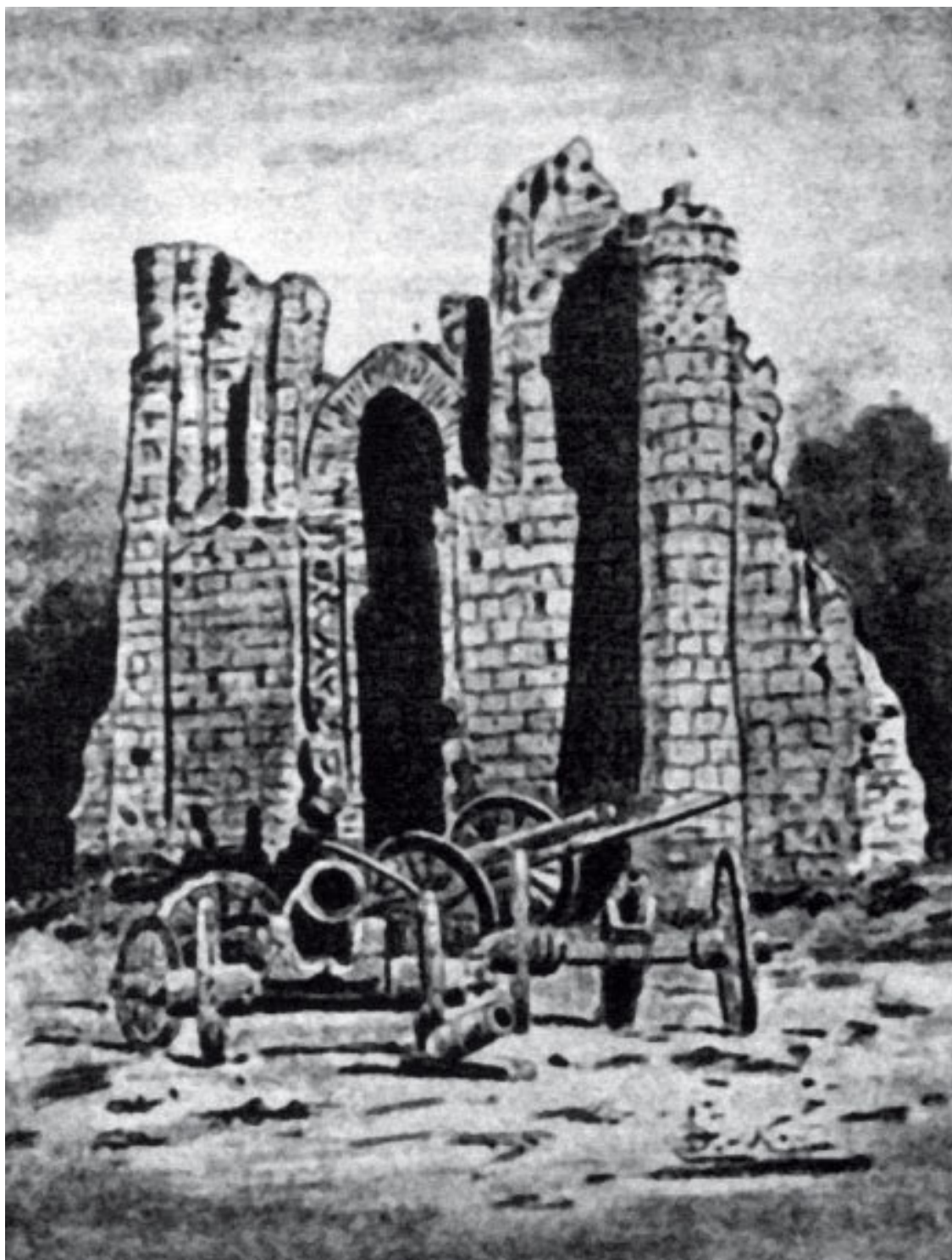
До XIV века Дамаск охранял себя от возможных нападений – крестоносцев, сельджуков и монголов, считая главной своей задачей развитие ремесел, торговли и различных искусств. Но потом в Сирии почти 400 лет господствовали турки, и их владычество закончилось только в 1918 году, а потом последовали годы сопротивления французской оккупации. Только в апреле 1946 года последний французский солдат покинул многострадальную землю Сирии.

У большинства прославленных арабских городов есть свой постоянный эпитет, навсегда закрепленный за ними. Название Дамаска – аль-Фейха – переводится как «обширный», а иногда и как «душистый». Как и все древние восточные города, Дамаск делится на старую и новую части. Улочки старого города настолько узки, что, раскинув руки в стороны, можно потрогать стены стоящих друг против друга домов.

Чревом и сердцем Дамаска является базар «Сук Хамедие», где все выглядит почти так, как и несколько веков назад, разве только изменился ассортимент ввозимых товаров. На базаре есть улицы портных, сапожников, ювелиров, гончаров, ковровые и многие другие лавки: здесь продают абсолютно все – от антикварного кинжала из знаменитой дамаской стали до самой современной видеоаппаратуры. Зачастую торговля выплескивается прямо на улицу, занимая все пространство тротуаров. И здесь всегда царит сутолока – пестрая и яркая, как маскарад.

Гордостью и вечной славой Дамаска является всемирно известный христианский богослов и церковный писатель Иоанн Дамаскин. Он родился в ассирийской христианской семье и был визирем одного из арабских халифов. Написанные им произведения прославили и его самого, и город Дамаск. Главным среди них считается сочинение «Источник знаний», которое состоит из трех частей: «Диалектика», «О ересьях» и «Точное изложение веры». В XVI веке многие произведения Иоанна Дамаскина перевел князь Андрей Курбский.

Легенды и быль Мерва

Развалины древнего Мерва

Руины древнего Мерва раскинулись на площади более 70 квадратных километров, далеко выходя за пределы первоначальной городской округи. Они включают в свою территорию несколько разновременных по происхождению городищ и развалины их бывших пригородов, которые лежат близ города Байрам-Али – в оазисе реки Муграб. Эти городища возни-

кали одно за другим, потом одни медленно угасали, иные внезапно перемещались на другие территории... Рушились покинутые людьми дома, оплывали древние стены, и сейчас только холмы и увалы печально обозначают местоположение бывших кварталов, общественных зданий и рыночных площадей.

Руины старого Мерва давно обратили на себя внимание, предпринимались даже попытки начать здесь археологические раскопки. Однако всестороннее изучение Муграбского оазиса началось только в 1950-х годах, когда сюда была послана археологическая экспедиция под руководством профессора М.Е. Массона.

В истории цивилизации Востока, да, пожалуй, и всего мира, найдется не так уж много древних поселений, удостоенных пышного титула «матери городов». Одним из них является древнетуркменский город Мерв, о котором еще в 985 году знаменитый путешественник и ученый аль-Макдиси сообщал: «Передают, что Катада говорил о словах Всевышнего: «Мать городов в Хиджазе – Мекка, а в Хорасане – Мерв». Мерв представлял собой гигантский мегаполис, равных которому не было в Центральной Азии: даже прославленные Самарканд и Бухара, Варахша и Пенджикент рядом с ним казались провинциальными городками.

Муграбский оазис упоминается еще в священной книге персов «Авесте», где он именуется «Моуру» – третье «место благословения», созданное Ормуздом для жительства, и называется могучим, священным и чистым. Как провинция Ахеменидской державы Мерв упоминается в клинописных текстах на Бехистунском барельефе царя Дария.

На рубеже античности и средневековья Мерв только в пределах городской крепостной стены занимал площадь 235 гектаров, а ведь в мегаполис входили еще ремесленный пригород и обширная сельскохозяйственная округа, во много раз превышавшие площадь самого города. Может быть, потому и к без того пышному титулу Мерва арабские писатели добавляли торжественное имя «Шахиджан» – «Царская душа», «Повелитель Вселенной».

Многие арабские путешественники и географы восхищались красотой Мерва. Ибн-Хродадбех, древнейший из авторов, около 846 года составил «Книгу путей по государствам», в которой сообщает о Мерве как о городе, красота которого пережила века, нисколько не поддавшись губительному действию времени.

Прошлое Мерва загадочно, словно над ним застыл туман тысячелетий: даже о его возрасте в науке нет единого мнения. Проникнуть сквозь этот туман пытались еще античные писатели (Курций Руф и Исидор Харкский, Страбон и Плиний Старший, Птолемей и др.), официальные китайские хронисты, армянские летописцы, а также арабские и персидские историки и географы. В середине XII века выходец из родовой мервской семьи Абусаид ас-Самани создал 20-томную «Историю Мерва», которая до нас дошла, к сожалению, только во фрагментах. Но даже и этот титанический труд мервского историка не смог прорвать завесу тайн над историей великого города.

Древнейшее ядро Мерва в науке именуют Эрк-Кала – «крепость-цитадель». Средневековая легенда рассказывает, что цитадель эта была возведена по повелению мифического царя Тахумарта. На протяжении II – первой половины I тысячелетия до нашей эры Эрк-Кала была лишь одним из многочисленных населенных пунктов, причем даже не самым главным и не самым крупным. Но впоследствии именно Мерву выпало сыграть видную роль в истории.

Здесь господствовали правители Ахеменидской династии, он находился под властью Александра Македонского, в правление селевкидского царя Антиоха Сотера (конец III века до нашей эры) весь Муграбский оазис был обнесен стеной, длина которой равнялась 230 километрам. Стена эта ограждала богатые земли Мерва от наступающих песков пустыни и одновременно преграждала путь воинственным кочевникам-скифам.

В VI–VII веках вся Маргианская область распалась на небольшие удельные княжества, лишь номинально подчиняющиеся новым правителям – сасанидским шахам. Фактически же правителем Мерва являлся местный феодал, который носил титул «марзубан». Мерв в ту пору

и вплоть до монгольского нашествия становится видным культурным центром не только Хорасана, но и всей Средней Азии. Отсюда вышло немало выдающихся деятелей, например, высоко просвещенный человек и тонкий дипломат Бузуртмирх – визирь царя Хосрова Великого, знаменитый врач, философ и путешественник Барзуе, несравненный певец и музыкант Барбут, про которого говорили, что у него на каждый день есть новая песня.

В Мерве в IX веке проходила деятельность врача-христианина Ибн-Масы, который работал в городской больнице и славился как один из выдающихся врачей своей эпохи. Он оставил после себя труды о режиме питания, влиянии на организм человека отдельных видов пищи, значении для здоровья водных процедур, правилах кровопускания. Ибн-Маса был еще и незаурядным ботаником: он подробно описал внешние признаки растений, указал места их произрастания, интересовался микологией... Аль-Бируни в своей «Фармакогнозии» неоднократно ссылался на труды Ибн-Масы.

Первоначально официальной религией в Мерве был зороастризм, именно сюда последний сасанидский царь Иездегерд принес Великий священный огонь и поместил его в одном из храмов-аташкедов. В городе существовала и крупная христианская община. Во время раскопок археологи откопали в северо-восточной части Гяур-калы («Крепости неверных») остатки христианского монастыря, возведенного на руинах одного из парфянских зданий. Монастырь имел овальный план, в него входил внутренний двор, окруженный сводчатыми кельями.

В Мерве были и буддистские общины. В юго-западном углу Гяуркалы располагался буддистский монастырь с высокой ступой, которая была возведена в III веке. Но особым почитанием в Мерве пользовался храм Кей-Марзубан, который в описаниях арабского географа Ибн-аль-Факиха выглядел так:

Был в Мерве большой старинный дом... Дойдя от земли до высоты человеческого роста, он поднимался к крыше на четырех изображениях по его сторонам – двух мужчин и двух женщин, и внутри его были удивительные изображения – неизвестно, что такое.

И пришли некие люди, заявили, что оно принадлежит им и что их предки построили его; разрушили его и выбрали дерево, которое было в изображениях, а он был домом удивительно сделанным. В год, когда он был разрушен, Мерв и его селения постигли великие бедствия, и люди Мерва утверждали, что он был талисманом для процветания.

Большим уважением пользовался у местных жителей памятник «Султан-Санджар», о котором старинная легенда повествует следующее.

Была у султана необыкновенная жена – красавица-пери, данная ему с небес на трех условиях: чтобы он никогда не смотрел, как она причесывается; никогда не смотрел на ее пятки, когда она будет ходить, и никогда не обнимал ее за талию. При нарушении этих условий жена немедленно будет опять взята на небо.

Султан счастливо жил со своей необыкновенной женой, но его постоянно терзали мысли об этих странных условиях. И вот однажды он все-таки решил подсмотреть, как она причесывается. Султан увидел, что жена сняла голову, положила ее на стол и стала расчесывать волосы золотым гребнем. Через некоторое время он осмелился посмотреть на пятки жены и увидел, что она не ходит, а плавает в воздухе. Разгневалась красавица-пери и улетела на небо.

Сильно загоревал султан, и не в силах вынести тоски созвал он своих священников и просил их помочь ему вернуть жену. Горячие молитвы духовных особ вернули султану его сокровище, и так прошло еще два счастливых года,

а потом султан опять не утерпел: он обнял жену за талию и почувствовал, что она без костей.

На этот раз жена-пери решила оставить мужа навсегда, несмотря на все его мольбы. А при прощании сказала: «Если ты желаешь меня видеть, построй мечеть, чтобы была выше всех мечетей, и наверху сделай отверстие. В это отверстие я буду показываться тебе каждую пятницу».

Султан так и сделал. И когда строительство мечети было завершено, он увидел в отверстие свою жену. Такие свидания повторялись до тех пор, пока султан не почувствовал близкую кончину. Тогда жена явилась ему в куполе мечети, бросила гребенку, но та не упала, а застряла между кирпичами. Султан приказал достать гребенку и положить ее в ящик, а ящик вставить в заветное отверстие.

Этой легенде верили и русские, поэтому не раз делали попытки овладеть драгоценным ларцом. Сам мавзолей султана Санджара, последнего представителя могущественной сельджукской династии, был возведен примерно в первой половине XII века и поражал современников и последующие поколения своими размерами и четкостью архитектурной композиции. В начале XV века Исфизир писал о мавзолее, что «это одна из величайших построек царств вселенной и до такой степени прочна, что порча не может коснуться ее». Однако время не пощадило этот памятник, и постепенно усыпальница султана Санджара потеряла свой величественный первоначальный облик.

Мервская цивилизация отличалась высочайшим уровнем технологий, утраченных еще в далеком прошлом и заново открытых лишь совсем недавно. В античном мире, например, очень ценилось «маргианское железо», из которого изготавливались стальные изделия высокого качества. Плутарх в своем «Сравнительном жизнеописании» писал об «ослепительно ярко сверкавших» стальных шлемах и панцирях парфянских воинов. Плиний тоже свидетельствовал, что в Риме отдавали предпочтение именно «маргианскому железу», так как только его можно было сравнить со знаменитыми китайскими изделиями.

Во время археологических раскопок античных слоев Мерва были найдены виноградные и вишневы косточки, зерна пшеницы и риса, семечки дыни, арбуза и огурцов. Причем все они по своей величине значительно превосходили косточки и зерна современных сортов винограда и злаков. Арабский географ IX века ал-Истархи восторженно писал: «Мерв – лучший из городов Хорасана относительно съестных припасов: хлеб в Мерве таков, что более чистого и приятного на вкус хлеба нет в Хорасане, а сухие плоды Мерва – виноград (изюм) и прочие предпочитают таковым из других мест; славится изобилием их Герат, много их и в других местах, но вкусом и достоинством их превосходят мервские».

Археологические раскопки предоставили ученым и образцы высококачественных хлопчатобумажных тканей. «Собирается в Мерве самый мягкий «мервский» хлопок и выделяются хорошие «мервские» ткани, которые вывозятся в разные страны» – так писал ал-Истархи. Спрос на «мервские» ткани был настолько велик, что багдадские халифы даже организовали в Мерве специальную мастерскую, ткани из которой поступали в их сокровищницу. После смерти халифа аль-Мустакфи в его сокровищнице обнаружили 65 000 отрезков «мервской» ткани и 13 000 «мервских» чалм, которые хранились там вместе с золотом и драгоценными камнями.

Мемфис

Более 6000 лет назад на территории современного Египта существовало два государства: Верхний Египет занимал нижнюю часть долины Нила, а Нижний Египет располагался в дельте Нила. Когда оба эти государства объединились, у разделявшей их прежде границы, у стыка долины и дельты Нила, на левом берегу реки вырос город Мемфис – столица объединенного Древнеегипетского царства.

Основал город царь Менес, по повелению которого было повернуто течение Нила, омывавшего прежде подножие Ливийских гор: течение Нила было направлено на несколько километров восточнее. Геродот в своих сочинениях указывал на место, где были выстроены плотины, находившиеся в 18 километрах к югу от Мемфиса. На отнятой таким образом у Нила земле сначала была возведена крепость «Белые стены», а потом вокруг нее фараон Менес построил город, который сначала был назван «Маннофер» (или «Мен-нефер»), что означает «хорошее место». В нем поселились фараон со своим войском, его приближенные и жрецы, и вскоре огромные богатства стали стекаться в Мемфис. В течение многих веков город видел в своих стенах все известные народы Азии, Африки и Европы.

С развитием торговли через город прошли два важнейших торговых пути, что и превратило Мемфис в один из крупнейших рынков того времени. Из стран Юго-Западной Азии сюда привозили различные ткани и оружие, из Восточной Африки – слоновую кость, золото и ароматические вещества. Здесь же продавались товары и египетского производства – зерно, гончарные изделия, украшения из драгоценных металлов.

В течение нескольких тысячелетий Мемфис оставался первым городом Египта и крупнейшим торговым центром Восточного Средиземноморья. Он достиг своего расцвета во время правления IV и V династий и при первых фараонах VI династии; затем он был покинут, но снова воскрес при фараонах XVIII династии, которые освободили Египет от чужеземных завоевателей. Но после перенесения столицы сначала в Фивы, а потом в Александрию город постепенно стал терять свое значение самой древней столицы Египта.

Ко времени завоевания Египта греками Мемфис еще сохранял свое величие и роскошь, хотя Страбон уже говорил о нем как об умирающем городе. Через несколько веков после Страбона наступило время, когда слово в слово оправдались грозные предостережения пророка Иеремии: «Готовь себе нужное для переселения, дочь – жительница Египта; ибо Ноф (Мемфис) будет опустошен, разорен, останется без жителя». В 640 году Мемфис был до основания разрушен арабами, но его развалины еще много веков спустя выглядели величественными.

В XII веке их увидел арабский писатель Абд эль-Латифа, который отмечал, что нужно затратить по меньшей мере полдня, чтобы пересечь их с юга на север. «Это было такое соединение чудес, которое подавляло ум и которое напрасно бы пытался описать самый красноречивый человек... Чем больше смотришь на эти развалины, тем больше растет чувство восторга, когда на каждом шагу встречаешь новый предмет удивления».

Вся огромная равнина была усеяна громадными развалинами, свидетельствующими о былом величии Мемфиса: виднелись фундаменты обширных зданий, местами стояли даже стены и монументальные ворота, возведенные из трех монолитов. Особенно поразили арабского писателя два колоссальных льва и статуя фараона Рамсеса II высотой около 13 метров, не считая пьедестала. Местные жители рассказывали ему, что люди, оставившие после себя все эти чудеса, были гигантами и владели всеми тайнами чародейства.

Во времена Абд эль-Латифы статуя Рамсеса II – современника юности Моисея – лежала в глухом месте в глубокой яме, лицом к земле. В нескольких шагах от нее, окруженные легким забором, лежали бесформенные обломки, собранные по окрестным полям.

В настоящее время статуя самого воинственного фараона Древнего Египта покоится на каменных подставках, чуть в стороне лежит на земле вторая, точно такая же, статуя Рамсеса II. Среди травы возвышается сфинкс из отполированного и великолепно отделанного алебаstra. С величайшим мастерством древний скульптор передал силу и мощь льва и спокойное величие его человеческого лица.

От Мемфиса сохранились и самые древние на всем земном шаре колонны: они невысокие и стоят в 2 ряда. За ними раскинулся огромный двор, когда-то окруженный стеной из гладких известняковых блоков. От стены в настоящее время остались только развалины, но уцелели ворота, через которые и вступали на территорию двора, где находился ансамбль из храмов, гробниц и колоннад. Сейчас это все разрушено, только от храма Лотоса осталась стена с тремя расширяющимися наверху пилястрами, напоминающими цветок лотоса.

Когда-то на южной окраине Мемфиса, в Саккара, был расположен некрополь, памятники которого свидетельствовали о блестящей культуре Египта III тысячелетия до нашей эры. Перед входом в наиболее роскошные гробницы египтяне строили перистиль с колоннами, а над дверью писали молитву богу Анубису и просили, чтобы он даровал им хорошее погребение «после счастливой и продолжительной старости» и облегчил умершему путешествие по загробному миру. За перистилем помещалась поминальная комната, которая всегда была доступна для живых: сюда приносили яства, необходимые умершему во время его долгих загробных странствий.

В 1850 году здесь оказался французский археолог О. Мариетт и увидел выглядывавшую из песка голову сфинкса. Молодому ученому сразу же вспомнилось место из географических описаний Страбона: «В Мемфисе есть храм Сераписа, расположенный среди такой пустыни, что ветры нанесли на него целые горы песка, из которых мы увидели лишь выглядывающих сфинксов: одних полужасыпанных, других полностью скрытых песком».

Огюст Мариетт нашел четыре гробницы, которые оказались нетронутыми, остальные же были разрушены или обворованы. Центральной среди всех сооружений некрополя была пирамида фараона Джосера⁵, но лучше других сохранилась гробница Хер-Нейт – царицы I дина-

⁵ Подробнее о ней можно прочитать в книге «100 великих чудес света».

стии. Ее погребальная камера была вырыта в известковой скале: пол и потолок ее покрывали деревянные бревна, а стены были выложены кирпичом.

После многомесячных трудов и немалых препятствий со стороны местных властей О. Мариетту удалось отрыть аллею из 141 сфинкса, которая привела его к Серапеуму – подземному склепу священных быков, лежащих в гробах из цельного красного или черного гранитного монолита. Склеп был давно разворован, но на стенах остались надписи. С большим трудом ученый подбирали стелы с именем священного быка Аписа, и за три года он собрал до 7000 предметов, половина из которых связана с культом Аписа.

Главным богом в Мемфисе был Птах – покровитель искусства и ремесел, а земным воплощением его был священный бык Апис, который обитал в специально построенном для него храме. Апис всегда присутствовал на земле: как только священный бык умирал, жрецы подыскивали нового, в котором бы проявилось присутствие бога Птаха. Дело это было нелегким, так как избираемый теленок должен был отвечать 28 требованиям (например, определенному цвету шерсти, форме рогов и др. признакам). Находка нового Аписа являлась важным событием и потому всегда встречалась с радостью и ликованием, ведь всякое промедление считалось знаком божьего гнева. Могущественная каста жрецов не пропускала случая воспользоваться этим обстоятельством и, сообразуясь с политическими обстоятельствами, находила или не находила нового Аписа. Иногда стойло в мемфисском храме оставалось пустым в течение нескольких десятилетий.

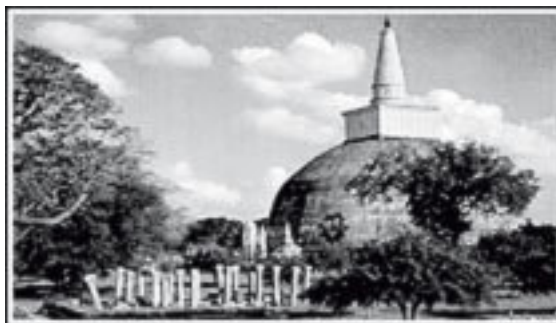
Когда же новый Апис отыскивался, его вели в Мемфис, и празднества длились здесь 8 дней. Затем быка ставили в храм бога Птаха, где он и оставался всю свою жизнь, пользуясь великими почестями: ему прислуживали молодые девушки, а жертвоприношения перед ним совершали первосвященники или даже сам фараон. Любое движение божественного быка (взмах хвоста, поворот головы и т. д.) воспринималось как предзнаменования и воля бога Птаха.

Со смертью Аписа весь Египет предавался скорби и облекался в траур. Но если, достигнув 28 лет – возраста, в котором «умер» бог Птах, священный бык не умирал, то его умерщвляли насильственно: жрецы в траурных одеждах вели его на берег Нила и осторожно топили.

Церемония погребения продолжалась 70 дней: она совершалась с таким великолепием и так возбуждала религиозные чувства народа, что некоторые египтяне в порыве благочестия жертвовали весьма значительные суммы на сооружение могилы очередного Аписа. Только в эти 70 дней в подземелья Серапеума допускался народ, толпами приезжавший со всех концов Египта. Если за эти дни находили нового Аписа, то по окончании траура начинались народные празднества.

На одно из таких торжеств в июне 525 года до нашей эры попал персидский царь Камбиз, возвращавшийся из неудачного похода в Эфиопию. Одновременно он получил известие, что его армия была погребена в песках пустыни, а флот, которому он приказал покорить Карфаген, отказался выступить против этого города. И Камбиз подумал, что торжества в Мемфисе затеяны по случаю его неудач. Разгневавшись, он казнил все городское начальство, приказал высечь жрецов и собственноручно убил молодого Аписа. Затем он приказал своим солдатам разграбить все мемфисские храмы, а потом сжечь и сам город. Когда Камбиз очнулся от своего безумия, то сам пришел в ужас от того, что за несколько дней успело натворить его войско.

Анурадхапура – древняя столица Цейлона

Древние хроники, выдавленные стилем на листьях талипотовой пальмы, сообщают, что первое государство на Цейлоне основал индийский царевич Виджайя. Изгнанный из отчего дома за строптивость, он набрал отряд смельчаков и ушел искать счастье за море. Произошло это в VI веке до нашей эры, с того времени и ведет свое начало история Цейлона.

Греки называли этот остров Тапробаном, арабские купцы времен Синдбада-морехода нарекли его Серендибом, а Цейлоном его назвали англичане. Местные же жители с древнейших времен именовали свою родину «Шри-Ланка»⁶, что означает «благословенная земля». Этот великолепный остров называют «каплей, оторвавшейся от Индии»: он является своего рода мостом между Индией и странами, лежащими дальше к востоку. Цейлон многое перенял от Индии, его культура развивалась под индийским влиянием, идеология и религия тоже в значительной степени заимствованы из Индии. Отсюда на Цейлон пришел и буддизм – с одной из миссий, во главе которой стоял Махинда – сын индийского царя Ашоки, особенно ревностного приверженца буддизма.

Древнее цейлонское предание гласит, что

однажды царевич Махинда встретил в лесу охотившегося цейлонского царя Деванампийатиссу. Царь пригласил путешественника к себе в гости, и тот довольно быстро обратил хозяина в буддизм.

Впоследствии Махинда поселился в Махинтале – недалеко от того места, где встретил царя Шри-Ланки. Он жил в пещере, и Деванампийатиссу часто приезжал к отшельнику – посоветоваться о важных государственных делах или просто житейских проблемах. Там же цейлонский царь построил несколько храмов и монастырей, а когда Махинда умер, то над его могилой возвели самую высокую в стране дагобу. Вокруг нее впоследствии и выросла Анурадхапура, со временем превратившаяся в один из крупнейших и процветающих городов Востока.

Город, по преданию возникший в IV веке до нашей эры, просуществовал несколько веков и был столицей цейлонских царей династии Махавамса. Это была столица с поистине 1000-летней историей, и в этом отношении она превзошла многие города мира. В период расцвета территория Анурадхапуры превышала 12 километров в диаметре, в ней проживало более 3 000 000 человек.

«Поэмами в камне» называют на Цейлоне древние столицы острова – Анурадхапуру и Полоннаруву. И это не случайно: остатки древних городов напоминают пожелтевшие страницы «Махавамсы» и «Динавамсы» – древних исторических хроник Шри-Ланки.

⁶ С 1972 года остров и государство Цейлон называется Шри-Ланка.

После того как цейлонскую столицу из Анурадхапуры перенесли в другой город, жители покинули ее, но она осталась наиболее почитаемым собранием буддистских памятников. Ежегодно их посещают многочисленные паломники со всех концов Шри-Ланки и из других стран.

Первым из европейцев, кто посетил место древней столицы Цейлона, был итальянец Ф. Неграо (1630), который сделал обмеры нескольких каменных колонн. Более подробно памятники Анурадхапуры в 1679 году описал Роберт Нокс. Судя по старинным хроникам и сохранившимся памятникам, Анурадхапура возводилась по определенному плану. Четверо городских ворот были ориентированы по сторонам света, окружавшие город оборонительные стены уже в I веке достигали в высоту более трех метров. Во II веке стены Анурадхапуры надстроили и дополнили сторожевыми башнями.

Древняя Анурадхапура состояла из внутреннего города, который образовывали царский дворец и важнейшие религиозные сооружения, и выросшего позднее внешнего города. К внутреннему городу примыкал знаменитый парк Махамегха, заложенный при царе Мутасиве, а его преемник, известный правитель Деванампийатиссу, передал парк в дар буддистской общине.

При Деванампийатиссе в Анурадхапуре был посажен черенок, взятый от росшего в Северной Индии дерева, под которым произошло просветление Будды. Черенок прижился, и выросшее из него дерево, известное в буддистском мире под названием «бо» (или «бодхи»), сохранилось до наших дней. Оно слывет самым древним растением на земле, возраст его известен довольно точно – около 2250 лет.

Большинство построек частного и общественного характера в древней Анурадхапуре сооружалось из дерева. Из камня прежде всего создавались Будды и ступы – вместилища буддистских реликвий. Но и впоследствии, с распространением каменного строительства, дерево не потеряло своего значения.

В честь Будды цейлонские цари воздвигли много храмов, дагоб и других культовых сооружений. Высоко в небо устремилась одна из самых древних и почитаемых ступ Цейлона – Руванвалися, построенная, по преданию, еще царем Дутагамини во II веке до нашей эры. Как и много веков назад, сюда приходят монахи-бхикшу и верующие буддисты-миряне. Часто приезжают в древнюю столицу студенты и школьники, чтобы еще раз вспомнить свою великую историю и лучше понять настоящее.

Как уже указывалось выше, в Анурадхапуре осталось много старинных памятников, особенно много дагоб, которые (по предположениям некоторых ученых) произошли скорее всего от могильных курганов. Сначала дагобы, как и ступы, представляли собой полушария, немногим отличающиеся от холмов и курганов. Впоследствии дагобы стали вытягиваться вверх, обрастая при этом дополнительными деталями, каждая из которых имела точный смысл и определенное значение. Так дагобы превратились в настоящие гробницы.

Старейшими из памятников Анурадхапуры считаются дагобы Тхупарама и Абхаягири. Одновременно с ними в городе был построен «Медный дворец», представлявший собой сооружение странное и удивительное: это было 9-этажное здание с 900 комнатами. В Анурадхапуре среди множества дагоб можно было видеть лес из резных каменных колонн. Все столбы имели одну высоту – 4 метра; их было 40 рядов по 40 колонн в каждом, то есть ровно 1600 колонн. Когда-то они были украшены серебряными пластинами, а поддерживаемая ими крыша – медными листьями, отчего дворец и получил свое название. Вот что написано в хронике «Махамаса» о «Медном дворце»: «Карнизы его были украшены драгоценными камнями и золотом. Было в нем множество комнат – каждая с окнами – яркими, как глаза».

В дворцовый комплекс входили две больницы – для людей и для животных; в театральном здании перед публикой выступали сказители. На каждые 10 деревень государством назначался врач, получавший государственное жалованье. Вода на рисовые поля текла из огромных водохранилищ, которые летописи уважительно называют «морями».

Созданные искусными руками цейлонских зодчих огромные сооружения в Анурадхапуре стали замечательными памятниками искусству сингальских мастеров. Столетия донесли до нас и образцы светского искусства древних сингалов. «Влюбленные» – так называют скульптурную композицию, которая была выполнена 2500 лет назад на стене анурадхапурского храма Усурумуния. Легенда из поколения в поколение передает историю

о любви царского сына к девушке из касты «неприкасаемых». Закон и обычай строго запрещали им даже находиться вместе, но чувства оказались сильнее. Царевич пожертвовал богатством и славой и женился на «неприкасаемой».

Анурадхапура просуществовала до XI века, а потом подверглась опустошительному нашествию войск чольских правителей, после которого уже не смогла возродиться в былой своей славе. Главным городом и культурным центром Цейлона стала Полоннарува.

Мохенджо-Даро

Среди экспонатов одного из музеев города Дели есть небольшая статуэтка из темного металла. Только что закончив танец, застыла, гордо подбоченясь, нагая девушка. Уверенная в успехе, она словно ждет восхищенных аплодисментов от зрителей.левой рукой, от запястья до плеча унизанной браслетами, танцовщица оперлась о колено, не без кокетства показывая, что она немного устала – то ли от танца, то ли от тяжести браслетов.

Эта статуэтка была найдена при раскопках Мохенджо-Даро – одного из древнейших городов мира. В 1856 году на территории нынешнего Пакистана, у небольшой деревушки Хараппа, археолог Александр Каннигам нашел камень цвета слоновой кости, на котором были высечены горбатый бык и неизвестные знаки, отчасти напоминавшие иероглифы.

Холм, где обнаружили эту находку, был буквально «сложен» из красного обожженного кирпича, которым много лет пользовались строители железной дороги и крестьяне окрестных деревень. Так постепенно исчезал с лица земли один из уникальных городов древности – Хараппа.

И только в начале 1920-х годов, после открытия города Мохенджо-Даро, мир узнал о существовании в долине Инда древнейшей цивилизации. Мохенджо-Даро отдален от Хараппы на расстояние почти 3000 километров, но оба города имеют между собой много общего. Разница заключалась лишь в том, что Мохенджо-Даро сохранился лучше.

Индийские ученые Р. Сахни и Р. Банерджи откапывали улицы городов-близнецов и находили в них одинаковые прямоугольные кварталы с четкой планировкой, застроенные одинако-

выми кирпичными домами. На огромной площади почти в 260 гектаров разместились целые кварталы и отдельные сооружения Мохенджо-Даро – «Холма мертвых» (так переводится это название). Холм был увенчан буддийской молитвенной ступой, построенной во времена существования Кушанского царства – через 15 веков после гибели великого города.

Некоторые ученые и археологи, устремившиеся сюда из многих стран мира, долго отрицали самостоятельность индийской цивилизации в этом районе, считая ее восточным вариантом шумерской культуры. Другие исследователи, наоборот, полагали, что Хараппа и Мохенджо-Даро не были похожи на своих ровесников из Элама, Шумера и раннединастического Египта. У городов Двуречья была иная планировка, а строительным материалом служил кирпич-сырец. Только с постепенным освобождением из-под земли новых кварталов и строений миру явилась цивилизация, которую теперь называют протоиндийской.

Письменные источники шумеров рисуют иной образ жизни городов Двуречья и иное мировоззрение их жителей. И тогда ученые стали искать упоминания о вновь открытых городах в «Ригведе» – древнейшем литературном памятнике Индии. Но и там они обнаружили лишь туманные упоминания о «пура», населенном «хитрыми купцами». Однако легенды и предания о богатом и прекрасном городе в долине Инда существовали с незапамятных времен. Но свободные и красивые люди, населявшие этот город, прогневали богов, и те обрушили город в пропасть. Как бы подтверждая эти легенды, музеи в результате археологических раскопок пополнялись все новыми и новыми экспонатами. Вот высеченная из камня голова жреца, женские украшения, доски с изображениями жертвенных животных и, наконец, иероглифы, не расшифрованные до сих пор.

До середины 1960-х годов ученые считали, что Мохенджо-Даро не имел укреплений, хотя за 15 лет до этого английский археолог М. Уилер расчистил сооружения, которые можно было бы принять за оборонительные. Цитадель, располагавшаяся в центре Мохенджо-Даро, когда-то была обнесена мощными крепостными стенами толщиной 9 метров. Но полной уверенности в том, что это оборонительные укрепления, у археологов не было. Дальнейшие раскопки показали, что в южной части города тоже была массивная стена, сложенная из кирпича-сырца и облицованная обожженным кирпичом. Но не было установлено, для чего она предназначалась: для защиты от врагов или же для охраны города от наводнений.

От цитадели широкая прямая улица вела к зданию, которое ученые называли «Залом заседаний». Рядом с ним размещалось вместительное зернохранилище, а неподалеку, на массивном кирпичном фундаменте с вентиляционными проемами, когда-то высилось двухэтажное строение из гималайского кедра.

Мохенджо-Даро был прекрасно распланированным городом: все его улицы проходили строго с севера на юг и с востока на запад, и таким образом они были хорошо защищены от ветров. По строительному уставу ни один дом не должен был выступать за общую линию. Главные улицы пересекались переулками под прямым углом, и потому в городе не было закоулков и тупиков. Длина главной улицы в Мохенджо-Даро составляла 80 метров, ширина – 10 метров, по ней одновременно могли проехать несколько воловьих повозок.

За стенами цитадели размещался нижний город, состоявший из кирпичных домов с плоскими крышами, которые одновременно служили и балконами. Здания возводились из кирпича, который обжигался в открытых ящиках, как и до сих пор это делают индийские крестьяне. Дома в Мохенджо-Даро достигали высоты 7,5 метра, вместо окон в них делались вентиляционные отверстия с решетками из глины и алебастра. Чтобы в дом не попадала пыль с главных улиц, вход в него делался в переулке. Стены и пол обшивались циновками, в домах были сделанные из кирпича ванны, а грязную воду сливали в глиняные сосуды с маленькими отверстиями для просачивания: эти сосуды ставились на землю.

В каждом квартале были общественные колодцы, превосходная для того времени система канализации и водопровод, по которому подавалась на вторые этажи зданий нагретая солнцем

вода. В Мохенджо-Даро была и большая общественная баня с кабинами и детским отделением. Из бани вода вытекала по сточной трубе в главный крытый канал, который проходил по каждой улице: все каналы вливались в большую яму, находившуюся за городом.

Большую часть домашней утвари жители Мохенджо-Даро делали из меди или бронзы; для сельскохозяйственных работ изготавливали лемеха и серпы, для ремесленников – топоры, пилы, лопаты, для воинов – мечи, пики, копья и кинжалы...

Из одежды женщины города носили только короткие юбки с приколотой к ним брошкой, жемчужным поясом или лентой и веерообразный головной убор, в прохладную погоду набрасывали на плечи накидку. Мужчины были еще скромнее в одежде, довольствуясь лишь набедренной повязкой. Никто не носил обуви, зато прическе уделялось огромное внимание, причем большими щеголями были мужчины. Если женщины чаще всего только заплетали косу, то мужчины делали прямой пробор и связывали волосы лентой, иногда собирали их узлом.

Насколько женщины были непритязательны в одежде, настолько взыскательны они были к украшениям. Все носили серебряные украшения и налобные повязки, пояса из позолоченной бронзы, шпильки для волос с фигурными головками и гребни из слоновой кости.

Несмотря на многочисленные исследования, ученых до сих пор продолжают волновать существенные для истории этой цивилизации вопросы. Кто возвел эти города, процветавшие 40 столетий тому назад? К какой расе относились обитавшие здесь люди и на каком языке они изъяснялись? Какая у них была форма правления?

Признаки упадка культуры Мохенджо-Даро стали замечаться около 1500 года до нашей эры. Дома строились небрежнее, и уже не было в городе той строгой линии улиц. О причинах гибели Мохенджо-Даро в ученом мире выдвигалось много различных версий. Одни исследователи считали, что всему виной резкое изменение русла Инда, вызванное сильным тектоническим сдвигом. Исследования геологов показывают, что землетрясения не раз нарушали нормальную жизнь в Мохенджо-Даро и в конце концов привели к возникновению гигантского озера. Вода часто затопляла город, поэтому для защиты от наводнений и была возведена укрепленная стена. Однако эти предположения еще требуют доказательств. Другие ученые полагали, что город и его население погибли от нашествия арийцев, которые перебили всех жителей Мохенджо-Даро и разрушили их дома. Обнаруженные скелеты людей, живших в городе в последние годы его существования, версию о нашествии чужеземных племен не подтверждают. Так что окончательного ответа о причинах гибели Мохенджо-Даро наука еще не дала.

Ахетатон – город фараона-еретика Эхнатона

Вид раскопок центральной части Ахетатона

В 1368 году до нашей эры на египетский престол вступил Аменхотеп IV – самый необычный из древнеегипетских фараонов, реформы которого породили исключительно интересный период в истории Египта. До него система мистико-религиозных представлений древних египтян была чрезвычайно сложной и запутанной. Поклонение многочисленным богам шло еще со времен обожествления животных, например, бога мертвых Анубиса изображали в образе человека с головой шакала, бог солнца Гор (который воплощался в фараоне при его коронации) изображался летящим соколом или человеком с головой сокола, бог Тот – с головой ибиса, богиня Хатор – с головой коровы и так далее. Их культ дополнялся поклонением верховным божествам – Ра, Амону и Птаху. Каждого из них сопровождал целый пантеон родственных божков, которые имели власть в каком-нибудь одном номе или городе. Столь громоздкая система дробила Египет и мешала его объединению.

Фараон Аменхотеп IV упразднил культ бога Амона вместе с поклонением другим – крупным и мелким – богам. Жрецы бога Амона составляли тогда самую большую и влиятельную прослойку в обществе, настолько сильную, что могли даже противопоставить свое влияние власти фараона.

Аменхотеп IV порвал с фиванским жречеством и прежней официальной религией. Уже в первые годы царствования рядом с храмом бога Амона в Фивах, в саду с благовонными деревьями, он возвел храм богу Атону – «единому всеозаряющему животворящему Солнцу» – и верховным жрецом нового бога объявил себя.

На шестом году царствования разрыв Аменхотепа IV с фиванским жречеством оформился окончательно: фараон запретил богослужения в честь Амона и всех прежних богов, громадные владения жрецов были конфискованы, бесчисленные храмы закрыты по всей стране, имена богов соскабливались со стен общественных зданий. Сам он сменил свое имя Аменхо-

теп («Амон доволен») на Эхнатон («Угодный Атону») и вместе с семьей, воинами, ремесленниками, новыми жрецами, художниками, скульпторами и слугами покинул Фивы – государственную столицу и центр культа бога Амона.

Поднявшись по течению Нила, фараон вышел на берег в широкой долине, окруженной неприступными скалами. На сверкающей золотой колеснице, в сопровождении приближенных Эхнатон прибыл к месту, где намечалось воздвигнуть храм богу Атону. Здесь совершилось «жертвоприношение большому отцу его (Атону) хлебом, вином, откормленными быками, безрогими тельцами, птицами, пивом, плодами, фимиамом, зеленью всякою доброю в день основания Ахетатона – Атону живому». Эта надпись была высечена на одной из 14 пограничных стел новой столицы, на другой стеле сохранилась клятва фараона никогда не переступить этих границ.

Чтобы в несколько лет на пустом месте построить большой великолепный город, мало было согнать туда много народу. Простую рабочую силу можно было использовать при возведении зданий, но для их отделки нужны были искусные мастера, которые и покрыли огромный храм бога Атона резными изображениями и надписями. Рядом с храмом, под прямым углом к нему, располагался главный дворец – самое большое гражданское здание древнего египетского зодчества. Площадь его составляла 700×300 метров, и это не считая смежных личных дворов и храма царской семьи. Основная часть дворца, как и храма Атона, была сделана из белого камня. Весь он был украшен золотом, изразцами, живописью, резными изображениями и надписями.

Возведенный город с храмами, садами, дворцами, богатыми кварталами вельмож, парками и прудами был объявлен «землей бога Атона». В этом городе даже тип древнеегипетского храма стал совершенно другим. Все прежние храмы вели из света во мрак культовой молельни, которая озарялась лишь светильниками у алтарей. Сумрачного состояния души требовала сама природа древних богов, рассчитанная на устрашающее почитание.

Культ бога Атона носил совсем иной характер. Главным ритуальным обрядом сопровождался восход солнца, при котором оживали берега Нила, распускались голубые и белые лотосы, из зарослей папируса поднимались стаи птиц, оглашая пробуждающийся мир своими криками. В этот момент в храме, который представлял собой громадный открытый солнцу двор, жители Ахетатона приносили солнцу свои дары: цветы, овощи и плоды. Храм был празднично оформлен пилонами, статуями фараона и живописью. Стоя на верхней площадке главного алтаря, Эхнатон взмахивал кадильницей с фимиамом, а музыканты, аккомпанировавшие на арфах и лютнях, придворные, жрецы и все молящиеся произносили нараспев слова гимна:

*Прекрасен твой восход на горизонте, о живой Атон, зачинатель жизни!
Встают люди, омывают тело, воздевают руки, радуясь рождению нового
дня!.. Ты даешь жизнь и отдаленным странам, оплодотворяя дождем их
земли. Как многочисленны и прекрасны творения твои: люди, животные,
цветы, травы – все, что есть на земле, в воде и в воздухе!*

Новые идеи фараона-реформатора проявились также в поэзии и живописи, архитектуре, скульптуре, да и в обыденной жизни. Эхнатон не вел войны, поэтому он нигде не изображен захватывающим земли или карающим врагов. Поэтому рельефы, живописные и скульптурные портреты представляют его человеком, погруженным в философские размышления, с богатым внутренним миром: в изображениях фараона угадывается некоторая созерцательность, обостренное, почти чувственное ощущение полноты бытия со всеми его радостями и горестями.

Эхнатон умер рано, когда ему не было еще и 35 лет, и не оставил ни сыновей, ни достойных сподвижников. Некоторые исследователи даже предполагают, что он был отравлен, так как на одной из росписей изображено покушение на него.

Новые фараоны делали все, чтобы вычеркнуть из истории память о своем предшественнике и его новом боге. Они стерли, растоптали и уничтожили все, что было создано Эхнатом. Особенно старался военачальник Херемхеб, воцарившийся на египетском престоле якобы по «воле бога Амона». Не имея законных прав на трон, он с особым рвением преследовал память о фараоне Эхнатоне. По приказу Херемхеба началось уничтожение Ахетатона, к тому времени уже и так окончательно покинутого. Прекрасный город громили с ненавистью: разбивали и крушили великолепные храмы и дворцы, статуи и рельефы. Потом руины Ахетатона постепенно занесло песком, и их на несколько тысячелетий укрыла пустыня. На том месте, где некогда сверкали белизной набережные, до 1880 года в царстве солнца и тишины тянулась узкая полоса посевов, а в тени густых пальмовых рощ приютились три небольшие деревушки.

Открыли город фараона-реформатора, как это часто случается, совершенно случайно. В конце 1880-х годов одна женщина из маленькой деревни Телль-эль-Амарна нашла несколько глиняных табличек с какими-то надписями. Она поняла, что это – те самые «древности», которыми так интересуются иностранцы. Чтобы увеличить рыночную ценность своей находки, она разломала таблички на несколько частей, которые и предложила торговцам-перекупщикам. Те отнеслись к ним довольно скептически и предложили за них весьма низкую цену. Только один из торговцев понял, что таблички покрыты какой-то письменностью, и предложил их различным музеям Европы.

Однако и ученые, испытавшие много разочарований из-за восточных подделок, отнеслись к табличкам из эль-Амарны недоверчиво. Лишь сотрудники Берлинского музея не только установили подлинность глиняных фрагментов, но и решили скупить все письменные таблички, к тому времени оказавшиеся во всех частях света.

Так в начале 1890-х годов в районе Телль-эль-Амарны начались первые раскопки, к которым приступил англичанин Уильям Мэтью Флиндерс Питри. Он был по образованию химиком и математиком, потом занялся коллекционированием древностей, а затем, в течение почти 50 лет, был «землекопом с метром и теодолитом в руках». Однако Ф. Питри, который до этого открыл уже много интереснейших памятников египетской истории, к раскопкам в эль-Амарне вскоре потерял интерес. Начавшая было приоткрываться тайна так и осталась неразгаданной.

Только в 1907 году Германское восточное общество решилось взяться за раскопки таинственных холмов близ эль-Амарны. Руководил этими работами Л. Бурхардт, которому принадлежит честь открытия всемирно известного теперь бюста Нефертити – необыкновенного памятника, подарившего человечеству совершенно новую страницу истории древнеегипетского искусства⁷.

Первая мировая война прервала исследования в эль-Амарне, и они были продолжены только после ее окончания. Археологические находки постепенно восстанавливали короткую историю Ахетатона – «могущественного города лучезарного Атона, великого в своем очаровании... и полного богатств».

Большую часть огромной территории города-резиденции фараона Эхнатона сегодня уже можно себе представить. Она была построена на месте, до того никем не заселенном, и потому вопрос об ограниченности городской территории тогда не возникал. А так как Ахетатон существовал весьма недолгое время, то вопрос о земле и в дальнейшем не мог стать проблемой, поэтому для города были характерны широко раскинувшиеся дома усадебного типа. Планировка и богатых, и бедных домов не отличалась разнообразием, более того, характерная особенность всех построек – однотипность их планов. Существенным отличием бедных домов от богатых было лишь то, что к бедным не пристраивали молельни, хозяйственные службы, помещения для рабов и слуг.

⁷ Подробнее об этой находке можно прочитать в книге «100 великих сокровищ».

Типичный богатый дом в Ахетатоне – это обычно целая усадьба, занимавшая площадь 68×55 метров. В центре ее находилось жилое здание, вокруг которого располагались сад, молельня и другие постройки. Вся усадьба обносилась стеной с двумя входами: от главного входа дорожка вела к небольшому дворику, откуда, поднявшись по нескольким ступеням, попадали в крытый подъезд дома. К подъезду примыкало небольшое помещение, через которое проходили в большую продолговатую комнату с 4 круглыми колоннами: это была своего рода приемная для гостей и одновременно комната, где отдыхали хозяева.

За приемным залом находилась центральная комната всего дома – большое помещение тоже с четырьмя колоннами, но уже квадратными. Отсюда двери вели в остальную часть дома – спальню хозяина, комнаты членов семьи и т. д. Все помещения освещались через окна, расположенные вверху наружных стен – почти у самой крыши. Чтобы осветить центральную комнату, стены ее были сделаны большей высоты, чем у соседних помещений.

Большие и хорошо спланированные дома знати располагались у самых дорог; дома поменьше – за ними, но тоже близко к дороге, а дальше, на кривых улочках с узкими проходами, беспорядочно ютились хибарки бедноты.

Жрецы солнечного бога Атона размещались в огромном районе с роскошными порталами и улицами для процессий, с украшенными колоннами молельнями, со скульптурами и рельефами. По замыслу Эхнатона все помещения иногда оформлялись в виде нильского берега: тонкие колонны напоминали стебли папируса, в росписях стен и пола повторялись цветы и бутоны лотоса, а также порхающие в зарослях птицы. Эти мотивы и раньше встречались в египетском искусстве, но никогда прежде в них не было такого богатства сюжетов и красок, такой свободы и изящества исполнения, такого увлечения красотой линий и цвета...

Эта же естественность, сменившая канонизированную стилизацию поз и жестов, проявилась и в изображении людей, например, Эхнатон часто запечатлен в семейном кругу – с женой Нефертити и дочерьми. Среди найденных в эль-Амарне памятников мало таких, где фараон изображен без Нефертити.

Основывая новую столицу Ахетатон, фараон Эхнатон обещал царице воздвигнуть в ней ее собственное место для почитания солнца – «сень Рэ». У Нефертити было свое большое и великолепное судно, качавшееся у дворцового причала рядом с ладьей фараона.

К сожалению, сейчас от дворца Нефертити остались одни развалины, однако известно, что в северо-восточном конце сада находилась длинная постройка, тянувшаяся вдоль северной стены дворца. Внутри этого зала столбы, поддерживающие потолок, стояли в один ряд – каждый на крохотном островке между перемежающимися водоемами. Эти водоемы были сделаны в виде огромных букв «Т»: в верхнем ряду они были повернуты отвесным концом вниз, а в нижнем – вверх. Вклиниваясь отвесными концами ряд в ряд, буквы «Т» образовывали строгий узор. Перила и пол вокруг водоемов, а также откосы стенки перил были сплошь расписаны растительным орнаментом и изображениями цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.